

Пустая могила

Автор:

[Джонатан Страуд](#)

Пустая могила

Джонатан Страуд

Агентство «Локвуд и компания» #5

Узнав, что Марисса Фиттис, основательница крупнейшего в Лондоне агентства по борьбе с призраками, вовсе не умерла много лет назад, мы решили пробраться в ее усыпальницу и вскрыть гроб. Действительно, вместо покойницы в гробу лежала восковая кукла. Но кто же тогда руководит агентством? И как Мариссе удалось прожить так долго и выглядеть столь молодо? Но похоже, получить ответы на эти вопросы нам не суждено, потому что мы стали получать угрозы, а затем агентство Фиттис и вовсе прислало к нашему дому головорезов. Чтобы спастись от верной смерти, мне и моим друзьям нужно пройти по Другой Стороне, миру призраков. Отважившись на такое опасное предприятие, мы сильно рискуем, но что, если нам все-таки удастся разгадать тайну Мариссы? Ведь как известно, ее агентство уже многие годы ведет эксперименты, путешествуя на Другую Сторону. Но мы и не предполагали, какая страшная правда нам откроется. Кажется, мы вплотную приблизились к разгадке Проблемы и скоро узнаем ответ на вопрос – почему призраки наводнили Англию...

Джонатан Страуд

Пустая могила

Jonathan Stroud

Lockwood & Co., Book Five The Empty Grave

Copyright © Jonathan Stroud, 2017

The right of Jonathan Stroud to be identified as the author of this work has been asserted.

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The van Lear Agency LLC.

Cover copyright © Mike Heath 2017

Серия «Агентство «Локвуд и компания». Бестселлеры Джонатана Страуда»

© Мольков К. И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

I

Гробница

Хотите послушать историю о призраках? Что ж, хорошо, у меня есть в запасе несколько таких.

Как насчет синего, с размытыми чертами лица, прижавшегося к окошку подвала? Или призрака слепца с тросточкой, сделанной из детских костей? Или адского лебедя, который шел следом за мной через ночной пустынный, мокрый от дождя парк? О, а как насчет огромного рта, вдруг раскрывшегося передо мной прямо на цементном полу? Или наполненного кровью молочника? А что скажете о пустой ванне, из которой по ночам доносятся жуткое бульканье и хрипы? Если хотите, могу рассказать вам о призрачной детской колыбели и спрятанном внутри дымохода скелете. А может, хотите послушать рассказ о злобной призрачной свинье с торчащей щетиной и огромными желтыми клыками, которая ломится в застекленную дверь душевой кабинки?

Пожалуйста, выбирайте. Все эти истории я не выдумала, они случились со мной наяву на протяжении всего лишь одного месяца, и хочу заметить, что это совершенно обычное дело, если ты работаешь оперативником в агентстве парапсихологических расследований «Локвуд и компания». Большинство этих историй, случившихся тем бесконечно долгим и страшным летом, записано в журнал нашего агентства, который наутро после очередного расследования лениво заполняет Джордж, прихлебывая горячий чай из своей кружки. Он записывает эти истории в нашей гостиной, сидя на ковре, подогнув под себя голые ноги. Между прочим, вид сидящего в одних трусах Джорджа может вывести из душевного равновесия быстрее, чем все перечисленные выше привидения, вместе взятые.

Кстати, этот наш «Черный журнал», как вы, возможно, уже знаете, был тщательно скопирован и хранится теперь в Национальном архиве, в недавно созданной Галерее Энтони Локвуда. Хотите в связи с этим две новости – хорошую и плохую? Пожалуйста. Хорошая новость: листовая копия нашего журнала, вы не наткнетесь ни на жирные отпечатки пальцев Джорджа, ни на оставшиеся после него крошки чипсов и печенья. Плохая – в «Черном журнале» записаны не все наши расследования. Один случай был настолько ужасный, что Джордж просто не решился занести его в наш дневник.

О том, чем закончилось то расследование, вы, конечно, знаете. Это всем известно. Весь город видел в то зловещее утро, как дымятся развалины Дома Фиттис, среди которых все еще оставались лежать неубранные трупы. Да, этот

финал известен всем. А с чего все началось? О, об этом, пожалуй, не знает никто, кроме нас, оперативников агентства «Локвуд и компания». Это скрытая от всех история, в которой есть убийства и семейные тайны, предательство, ложь... ну и призраки тоже, конечно. Услышать эту историю можно лишь от одного из тех, кто остался тогда в живых, поэтому, как я понимаю, вы и пришли ко мне.

Хорошо. Меня зовут Люси Джоан Карлайл. Я умею разговаривать как с живыми, так и с мертвыми и, честно говоря, все чаще не нахожу разницы между ними.

Итак, вот вам история от начала до конца. А вот и я сама два месяца назад.

На мне все черное – куртка, юбка и легинсы, на ногах тяжелые рабочие башмаки, в которых и крышку гроба удобно сбить, и из могилы легко выбраться. Само собой, у меня на поясе на петле-липучке висит рапира, грудь перепоясана патронташем, кармашки которого набиты магниевыми вспышками и солевыми бомбами. На моей куртке виден отпечаток призрачной руки. Стрижка у меня короче, чем прежде, хотя и этот трюк не помогает скрыть пряди, в которых появилась седина. Ну а если не считать этих мелочей, во всем остальном я выгляжу так же, как всегда, – оперативница, готовая приступить к очередному парапсихологическому расследованию. Проще говоря, к своей обычной, повседневной работе.

Хотя правильнее сказать – к еженощной, потому что во внешнем мире сейчас не день, а ночь, на небе выпали звезды. Дневное тепло сменилось ночной прохладой. Совсем недавно минула полночь, и наступило время, когда по улицам бродят призраки, а добропорядочные горожане спят в своих домах с закрытыми железными ставнями на окнах.

Ну а я, разумеется, не сплю. Я работаю. Точнее, ползаю, задрав кверху свою пятую точку, по каменным плитам внутри мавзолея Фиттис.

В свое оправдание и справедливости ради отмечу, что я не сошла с ума и ползаю здесь не в одиночестве. Вместе со мной по мавзолею ползают Локвуд, Джордж и Холли. Все мы передвигаемся на четвереньках, точнее сказать – на трех конечностях, потому что в одной руке у каждого из нас по зажженной свече, при свете которых мы рассматриваем пол. Мы работаем в полнейшей тишине и время от времени задерживаемся, чтобы ощупать пальцами показавшуюся нам

подозрительной каменную плиту. Чем это мы заняты, спросите вы? Своим привычным делом – ищем потайной вход в находящуюся под полом могилу.

– До чего же жалко на вас смотреть, ребята, – доносится негромкий голос. – Ну просто плакать хочется.

На гранитной плите посреди мавзолея сидит худой рыжеволосый мужчина – молодой, почти парень. Как и все мы, он одет во все черное – высокие армейские башмаки, черные джинсы, черный свитер с высоким горлом. Правда, в отличие от нас, глаза парня скрыты за тяжелыми выпуклыми очками, которые делают его похожим на удивленного кузнечика. Парня зовут Квилл Киппс. Он сторожит наше сложенное на плите снаряжение для взлома гробниц – веревки, ломы и прочие нужные вещи, – а заодно следит за всем, что происходит внутри мавзолея. Странные очки позволяют Киппсу видеть призраков, которых он уже не способен заметить своими состарившимися невооруженными глазами.

– Что-нибудь видишь, Квилл? – спросил Локвуд, отводя в сторону упавшую на лоб прядь тяжелых волос и перестав на секунду тыкать перочинным ножом в щель между двумя каменными плитами.

Киппс зажег фонарь, опустил его шторы так, чтобы свет был неярким и падал вниз, посмотрел и сказал:

– Так я много чего вижу, когда вы все на четвереньках. Интереснее всего становится, когда Джордж в поле моего зрения попадает. Очень похоже на то, будто белуга мимо проплывает.

– Я призраков имею в виду.

– Призраков? Нет, призраков нет. Если не считать, конечно, вот этого домашнего питомца, – тут Киппс похлопал ладонью по стоящей рядом с ним на каменной плите большой банке из серебряного стекла. Внутри банки мерцал тошнотворный зеленый свет, а сквозь мутную эктоплазму проглядывал темный череп и жутковатое лицо призрака.

– Домашнего питомца?! – услышала я у себя в голове шепчущий потусторонний голос. – Домашнего питомца – ну ни фиги себе заявочка! Люси, прошу, выпусти меня на минуточку, и я покажу этому тощему уроду, какой я домашний питомец!

Я выпрямила спину, сев для этого на свои собственные каблуки, и поправила сбившуюся на лбу челку:

- Лучше не называй череп домашним питомцем, Квилл. Он этого не любит.

- Точнее сказать - не терплю, - показал свои неровные зубы призрак. - И передай своему похожему на рехнувшегося филина приятелю, что, если мне когда-нибудь удастся выбраться из банки, я первым делом высосу до самых костей всю его плоть, а затем станцую чечетку с его пустой шкурой. Передай, обязательно передай ему это.

- Он что, правда обиделся? - удивился Киппс. - Смотри, как рот-то разевает!

- Скажи ему, скажи!

- Не суетись, - замялась я. - На самом деле все хорошо, не стоит нервничать.

- Что?! Да как же я могу не нервничать, а?! Этот идиот еще и ладонью по моей банке барабанит! Я что - золотая рыбка в аквариуме? Ну нет, клянусь, что как только мне удастся выбраться на свободу, я самым первым делом схвачу Киппса - да-да, не Джорджа, как я хотел раньше, а именно Киппса - и сдеру с него...

- Локвуд, - сказала я, поворачивая на крышке банки рычаг, чтобы заглушить разговорившийся череп. - Ты уверен, что люк в подземелье должен быть именно здесь? У нас мало времени, ты помнишь?

Энтони Локвуд выпрямился. В одной руке он по-прежнему держал перочинный нож, а другой рассеянно провел себя по волосам. Одет наш лидер был, как всегда, безупречно. Правда, вместо длинного черного пальто на нем сегодня была темная фуфайка из джерси, а на ногах вместо привычных ботинок мягкие бесшумные кроссовки - но это были единственные уступки, на которые Локвуд пошел, собираясь незаконно проникнуть в один из самых знаменитых памятников не только Лондона, но и всей страны.

- Ты права, Люси. - Бледное, с тонкими чертами лицо Локвуда, как обычно, казалось расслабленным, однако едва заметная морщинка над переносицей говорила о том, что он озабочен. - Сто лет уже здесь возимся - и ни одной

зацепки. А ты что скажешь, Джордж?

Из-за гранитной плиты показался Джордж Каббинс. На нем была грязнейшая черная футболка, очки съехали набок, светлые волосы потемнели от пота и торчали в разные стороны. В течение последнего часа он занимался тем же, чем и все мы, однако, в отличие от нас, непостижимым образом сумел с ног до головы перепачкаться в пыли, паутине и мышьином помете. Впрочем, подобные вещи происходили с ним всегда. Джордж и чистота, Джордж и аккуратность – вещи несовместимые.

– Но ведущий в подземелье люк упоминается практически во всех отчетах о похоронах, – ответил он. – По-моему, мы просто недостаточно внимательно его ищем. Особенно Киппс, который вообще ничего не ищет.

– Ну-ну, у меня своя работа, и я с ней справляюсь, – возразил Киппс. – А вот почему вы со своей задачей не можете справиться, не знаю. У самих себя спрашивайте. И, между прочим, все мы рискуем этой ночью своей шкурой только потому, что ты сказал, будто здесь есть этот чертов люк.

– Конечно он где-то здесь, – сказал Джордж, задумчиво снимая прилипшую к очкам паутину. – Везде написано, что ее гроб опустили под пол, в крипту. Серебряный гроб. Разумеется, для такой покойницы все было сделано по высшему разряду, и гроб в том числе.

Примечательно, что Джордж не упомянул имя женщины, которая, по идее, должна была лежать в том самом гробу. И что при одном упоминании о том серебряном гробе у меня сжалось все внутри, и я почувствовала то же самое, что при взгляде на каменную полку, выступающую из дальней стены мавзолея. Точнее, при взгляде на стоящий на этой полке предмет.

Что это был за предмет, спросите вы? Бюст. Железный бюст женщины средних лет, почти пожилой. Лицо строгое и властное, волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Нос орлиный, губы тонкие, а глаза пронизательные и, кажется, видят тебя насквозь. Это лицо нельзя назвать красивым, но суровым – да, и умным тоже, и внимательным, а еще – хорошо известным всей стране. Мы привыкли видеть его на почтовых марках, оно украшало обложку руководства для агентов-парапсихологов. Это лицо мы с самого детства привыкли видеть повсюду так часто, что оно снилось нам во сне.

Да что там – каждый из нас мог очень много рассказать о Мариссе Фиттис, самой первой исследовательнице-парапсихологе. Вместе со своим партнером Томом Ротвеллом она открыла множество технических приемов борьбы с призраками, которыми мы, агенты-оперативники, продолжаем пользоваться и по сей день. Любой человек в нашей стране знает историю о том, как Марисса Фиттис смастерила свою первую рапиру из выломанной стойки железных лестничных перил, и о том, как она с такой легкостью общалась с призраками, словно те были созданиями из крови и плоти. Разумеется, все помнили, что именно Марисса основала самое первое агентство парапсихологических расследований. И о том, что после смерти легендарной исследовательницы проводить ее в последний путь пришла добрая половина Лондона и толпа наблюдала, как от Вестминстерского аббатства до Стрэнда несут на руках серебряный гроб Мариссы, за которым торжественным маршем следуют представители всех столичных агентств, тоже все помнили. А еще помнили, как под звон колоколов всех лондонских церквей Мариссу похоронили в крипте – подземной усыпальнице ее мавзолея, ставшего с того дня святилищем для основанного ею агентства «Фиттис». Да и для всех жителей Лондона тоже.

Удивительные, красивые, выжимающие слезу истории...

Только вот какая штука – никто из нас четверых не верил, что Марисса Фиттис вообще была когда-либо захоронена в мавзолее, внутри которого мы сейчас стояли. Как известно, сам мавзолей Фиттис находится в восточном конце Стрэнда, в центральной части Лондона. Это прочное каменное сооружение, в котором имеется зал овальной формы, с высоким потолком. Зал этот погружен в вечный сумрак и практически пуст, если не считать установленной в центре него массивной гранитной плиты с выбитой на ее вершине фамилией «Фиттис». Окон в зале нет, а единственная ведущая на улицу железная дверь была сейчас заперта.

Где-то за этой дверью стояли двое часовых – почти дети, однако у них были пистолеты, которыми они могли воспользоваться, если бы услышали шум, так что нам приходилось соблюдать тишину и осторожность. Пол внутри мавзолея был чисто подметен, пахнул лавандой, и на нем – в отличие от других мест, где нам довелось побывать за последнюю неделю, – не валялись ноги, руки и другие части человеческих тел. Так что в этом смысле зал мавзолея Фиттис можно было назвать местом тихим и даже приятным – в известной, разумеется, степени.

Впрочем, нигде не было видно и крышки люка, открывающего дорогу в подземную часть гробницы, а именно она и была целью наших поисков.

Мерцали фонари, а над головами висела тьма, густая и плотная, словно ведьмин плащ.

– Ладно, сохраняем спокойствие, соблюдаем тишину и продолжаем искать, – сказал Локвуд. – Если у кого-нибудь есть предложение лучше этого, готов внимательно выслушать.

– У меня есть, – откликнулась из дальнего угла зала Холли Манро. Она поднялась на ноги и по-кошачьему легко и бесшумно подошла к нам. Как и все мы, она была одета под невидимку – длинные черные волосы связаны в конский хвост, черная курточка на молнии, черная юбка и легинсы. Конечно, можно было бы сказать, как Холли идет этот наряд, – да только к чему напрасно тратить время? Видите ли, Холли умела элегантно выглядеть буквально в любой одежде. Наверное, ей пошел бы даже наброшенный на плечи черный мусорный мешок. Она и в нем каким-то образом умудрилась бы остаться королевой бала. Магия? Может быть.

– Мне кажется, нам необходим свежий взгляд на все это, – сказала Холли. – Как ты думаешь, Люси, твой череп не мог бы нам помочь?

– Попытаюсь, конечно, – пожала я плечами. – Но знаешь, Хол, он сейчас в таком дурном настроении...

Призрачное лицо в банке продолжало сердито шевелить губами. Сквозь него просвечивал привинченный к дну банки темный череп.

Я повернула рычажок, и...

– ...и съем их. А потом заморожу пальцы у него на ногах, чтобы он больше не мог двигаться. Пусть торчит на месте как пенек безмозглый...

– О, да ты все еще рассказываешь, как собираешься отомстить Киппсу! – сказала я. – А я надеялась, что ты давным-давно выговорился на эту тему и выпустил пар.

- Так ты что, даже не слушала меня?! - заморгал призрак, глядя на меня сквозь стекло банки.

- Нет.

- Как это на тебя похоже! А я-то разливаюсь здесь соловьем, столько любопытных деталей придумал, специально для тебя, а ты...

- Прибереги свои детали на потом. Мы вход под землю никак не можем найти. Ты нам не поможешь, а?

- Почему я? Как что - так сразу я! И вообще, зачем мне вам помогать, вы же все равно мне не верите!

- Ну, это не совсем так. Чему-то верим.

- «Чему-то верим»! Замечательно! Если бы вы на самом деле мне верили, то сидели бы сейчас у себя дома, в тепле, отравляли бы свои кишки чаем и шоколадным печеньем. Так нет же! Понесло их «проверить и перепроверять» мои слова!

- А что тебя, собственно говоря, удивляет? Ты заявил, что якобы Марисса Фиттис не умерла, что она жива и выдает себя за свою внучку, Пенелопу Фиттис. Ту самую Пенелопу Фиттис, которая возглавляет агентство «Фиттис» и по праву считается одной из самых влиятельных фигур в Лондоне, да и во всей стране тоже. Знаешь, такими заявлениями не разбрасываются, и ты уж нас прости, но мы просто обязаны проверить его.

- Вздор, - закатил свои глаза призрак. - Сказать тебе, как это называется? Черепизм!

- Черепизм? Это что еще за хрень?

- Что такое расизм ты знаешь? А сексизм? Ну вот, а то, чем вы занимаетесь, - это черепизм в самом чистом виде. Вы судите обо мне по моему внешнему виду и не принимаете на веру ни единого моего слова только потому, что я не похож на вас. Потому что я череп, посаженный в банку с зеленой слизью. Ну согласись,

что это так!

Я тяжело вздохнула. Мне, как никому, было известно, что сидящий в банке череп выдумщик и враль несусветный. Сказать, что он «слегка приукрашивает» правду – это все равно что сказать, будто Джордж «слегка растягивает» резинку своих треников, когда пытается зашнуровать кроссовки. Но ведь, с другой стороны, череп не раз действительно спасал мне жизнь, а значит, не всегда же он лжет, иногда и правду сказать может?

– Вопрос, конечно, интересный, – осторожно заметила я. – И я готова обсудить его. Но позже. А сейчас мне нужна твоя помощь. Мы ищем вход в подземную часть гробницы.

– В крипту?

– Ага. Скажи, ты видишь где-нибудь кольцо или ручку?

– Нет.

– А рычаг?

– Не-а.

– А лебедку, ворот или еще какой-нибудь механизм, с помощью которого можно открыть потайной люк?

– Нет. Разумеется, нет. Все твои вопросы ни о чем.

– Ясненько, – вздохнула я. – Выходит, нет здесь никакого люка.

– Почему? Само собой, здесь есть потайной люк, – сказал призрак. – Но ты же про него меня не спрашиваешь, идиотка! Спрашиваешь про какие-то лебедки.

Я передала слова черепа своим друзьям. Кроме «идиотки», конечно. Холли и Локвуд, не сговариваясь, вспрыгнули на гранитную плиту и сели рядом с Киппсом. Локвуд взял один из фонарей и начал медленно описывать его лучом круг на полу, внимательно следя с Холли за конусом света, который медленно

полз все дальше, к основанию стен мавзолея.

– Тоска с вами! – сказал череп. – Пусть у меня нет глаз, но все равно я его вижу прямо перед собой. Ладно, все. Прости, но дальнейших подсказок ты от меня не дождешься. Детский сад какой-то!..

– Есть! – воскликнула Холли, хватая Локвуда за руку. – Вот он! Видишь вон ту плиту, которая вписана внутрь большой плиты? Большая плита – это и есть люк. А маленькую нужно поднять, и под ней мы найдем кольцо, ручку или еще что-то в этом роде.

Мы с Джорджем подбежали к плите, на которую указывала Холли, и я с первого взгляда поняла, что она права.

– Отлично, Холли, – сказал Локвуд. – Это должен быть люк. Приготовьте инструменты.

В следующие секунды мы продемонстрировали на деле, что означает слаженность работы, которой славится «Локвуд и компания». В воздухе замелькали ножи, освобождая от цемента канавки вокруг меньшего по размеру камня. Затем мы ломиками приподняли камень, а Локвуд отвалил его в сторону. Все верно – под малым камнем обнаружилось массивное бронзовое кольцо, прикрепленное к большой плите. Пока Джордж, Холли и я очищали от цемента ее края, Локвуд и Киппс привязали к кольцу веревки и проверили узлы на прочность. Локвуд поспевал везде – подсказывал, помогал, буквально искрился от переполнявшей его энергии.

– А поблагодарить меня никто из вас не хочет? – недовольно проскрипел череп. – Похоже, что нет. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Не прошло и двух минут, как все мы были готовы. Локвуд и Киппс взялись за первую веревку, чтобы поднять плиту. На противоположной стороне плиты за вторую веревку взялись мы с Джорджем: наша задача заключалась в том, чтобы аккуратно, без стука, опустить поднятую плиту на пол. Возле кольца склонилась Холли с ломиком в руке.

В зале стояла тишина. Свет нашего стоящего на полу фонаря падал на бюст Мариссы Фиттис. Фонарь мерцал, и от этого казалось, что железная голова

Мариссы шевелится как живая.

В моменты наивысшего напряжения Локвуд всегда умеет оставаться самым спокойным из всех. Вот и сейчас он посмотрел на нас и с улыбкой спросил:

– Все готовы? Тогда начали.

Они с Киппсом потянули веревку, и тяжелая плита, легко сдвинувшись с места, бесшумно повернулась на хорошо смазанных петлях, открыв темный лаз, из которого потянуло сыростью и холодом. Плита встала вертикально, и Холли поспешила подпереть ее ломиком – но совершенно напрасно, потому что мы с Джорджем приняли вес камня на себя и аккуратно начали опускать плиту на ее лицевую сторону.

– Легче! Легче! – командовал Локвуд. – Без шума!

Мы опустили плиту. Она легла на пол совершенно беззвучно – мышь и та громче вздыхает.

Теперь в центре пола образовалась большая квадратная дыра.

Когда Холли осветила своим фонарем, мы увидели круто уходящие в глубину подземелья ступени, которым, казалось, не было конца.

Из подземелья тянуло холодом, сыростью и запахом земли.

– Дыра глубокая, – глубокомысленно заметил Киппс.

– Кто-нибудь что-нибудь видит? – спросил Локвуд.

– Нет.

Повисло короткое молчание. Теперь, когда перед нами открылся путь в крипту, каждый из нас вдруг по-новому понял, насколько безумно то, что мы собираемся сделать. Казалось, что висевшая над нашими головами тьма неожиданно и беззвучно опустилась ниже и сделалась еще плотней. Со стены за нами наблюдал железный бюст Мариссы Фиттис.

Мы продолжали тихо стоять, включив на полную мощность свой Дар – у каждого из нас он был разным. Никто ничего не почувствовал, не уловил. Прикрепленные к нашим рабочим поясам термометры стабильно показывали двенадцать градусов, сверхъестественного холода не замечалось, не было также ни мелейза, ни миазмов, ни ползучего страха. Одним словом, никаких признаков скорого появления призрака.

– Хорошо, – сказал наконец Локвуд. – Собирайте свои вещи. Идем как договаривались. Я спускаюсь первым, за мной Джордж, потом Холли и Люси, замыкающий – Киппс. Фонари нужно будет выключить, но мы возьмем с собой зажженные свечи. Я буду держать в руке рапиру, вы тоже будьте готовы в любой момент пустить в ход оружие. Впрочем, оно, скорее всего, не понадобится. – Он широко улыбнулся и добавил: – Ведь мы же не верим, что она здесь.

Все это так, однако страх не отпускал нас – напротив, наваливался все сильнее. Отчасти это был страх перед железным лицом и вырезанным на гранитной плите именем. Другим источником страха служил поднимающийся из подземелья воздух – тяжелый, тревожно пахнувший могильной землей, он давил на нас, сковывал наши движения. Мы медленно собрали наши вещи. Джордж подошел к каждому из нас и, щелкнув зажигалкой, поджег фитили свечей, которые мы держали в руках. Затем мы выстроились цепочкой, поправили рапиры, прокашлялись и пробежались пальцами по своим рабочим поясам.

– Мы хотим сделать то, что собирались? – это Киппс высказал вслух мысль, которая у каждого из нас была в голове.

– Мы слишком далеко зашли, – ответил ему Локвуд. – Разумеется, мы сделаем то, что задумали. Обратного пути нет.

– Нам нельзя струсить, – кивнула я.

– Ты права, Люси, – сказал Киппс, посмотрев на меня. – Может быть, я излишне осторожен. Прости, но я до сих пор не могу забыть, что мы очутились здесь по наводке злобного говорящего черепа, который, как известно, постоянно желает всем нам смерти, разве не так?

Тут все взглянули на мой рюкзак с развязанной горловиной. В рюкзаке лежала банка с шепчущим черепом, но сейчас в ней не было видно зеленоватого призрачного лица, темнел лишь привинченный к доньшку банки череп. Нужно признать, что даже меня не слишком успокаивал вид пустых, мертвенно-черных глазниц черепа и его зловещая улыбка.

– Мне известна удивительная история этого черепа, – продолжил Киппс. – Я знаю, что он стал твоим лучшим другом и все такое, – но что, если он ошибся? Взял и просто ошибся. Обознался. – Киппс покосился на железный бюст Мариссы Фиттис и перешел на едва слышный шепот: – И тогда там, внизу, нас поджидает она.

Еще секунда – и наше настроение могло коренным образом измениться, но этому помешал Локвуд. Он встал между мной и Киппсом и твердо, уверенно сказал:

– Для беспокойства нет никаких причин. Джордж, напомни им.

– Охотно, – откликнулся Джордж, поправляя на носу свои очки. – Давайте вспомним, что во всех историях о кончине Мариссы Фиттис говорится о том, что она завещала похоронить себя в особом гробу – железном, с серебряным покрытием. Таким образом, даже если череп ошибся и тело Мариссы покоится здесь, ее дух не может нас беспокоить – его не подпустят железо и серебро, как вы сами понимаете.

– А когда мы откроем гроб? – не унимался Киппс.

– Ну, во-первых, мы всего лишь приоткроем его буквально на секунду, а во-вторых, при нас будут наготове все средства, способные справиться с любым призраком.

– То есть, – сказал Локвуд, – ни один призрак не должен напасть на нас, пока мы будем спускаться вниз, правильно я понимаю, Джордж?

– Совершенно верно.

– Отлично. Тогда вперед, – с этими словами Локвуд повернулся к темнеющей в полу дыре.

– Однако на пути могут быть установлены ловушки, западни или еще какая-нибудь пакость, – предупредил Джордж.

– Ловушки? – переспросил Локвуд, успевший уже занести ногу над уходящими вниз ступенями.

– Нигде не говорится о том, что они там есть, – уточнил Джордж. – Но это совершенно не означает, что их нет. Короче, они могут быть. – Он поправил свои съехавшие в сторону очки и добавил, делая широкий жест рукой в сторону черной дыры: – Однако ступени ждут в любом случае, Локвуд. Вперед!

Начинать спуск Локвуд не спешил, он опустил занесенную было над отверстием ногу и обернулся к Джорджу:

– Погоди-ка. Что это еще за ловушки?

– Да-да, мне тоже хотелось бы об этом узнать, – подключилась Холли.

Нам всем интересно было об этом узнать, и мы окружили Джорджа, который повел плечами так, словно собирался пожать ими.

– Ну, это просто слухи. Досужие вымыслы, и больше ничего, – сказал он. – Честно говоря, я очень удивлен, что вас так сильно это заинтересовало. Поговаривали, что Марисса не хотела, чтобы в ее могилу совались грабители или просто любопытные, и предприняла... э... некоторые меры предосторожности, которые могут быть связаны... э... с потусторонними силами.

– И ты говоришь нам об этом только сейчас?! – возмутилась Холли.

– Когда же, интересно, ты сам удосужился бы рассказать нам об этих, как ты говоришь, «досужих вымыслах»? – спросила я. – Когда меня уже схватил бы за шею какой-нибудь Спектр?

– Но все это может оказаться просто сплетнями, – нетерпеливо отмахнулся Джордж. – А между тем моя главная задача как исследователя – отделять твердо установленные факты от слухов, разве не так?

– Ошибаешься, это моя работа, – возразил Локвуд. – Ты обязан сообщать мне обо всем, что тебе удалось узнать, а мое дело – давать оценку твоей информации.

Повисла тяжелая пауза.

– Вы что, всегда так препираетесь? – поинтересовался Киппс.

– Как правило, да, – вежливо улыбнулся Локвуд. – Иногда мне кажется, что постоянные перепалки даже полезны, они смазывают наш хорошо отлаженный механизм и улучшают его работу.

– Ты правда так считаешь? – спросил Джордж.

– Конечно! Я просто обожаю эти перепалки! А теперь могу я попросить, чтобы все замолчали? – Локвуд обвел всех нас по очереди своими темными внимательными глазами. – Есть там ловушки, нет там ловушек – мы с вами справимся. Нужно поторапливаться. У нас в запасе осталось всего два часа. За это время мы должны обследовать гробницу, вылезти, привести все в порядок и приготовиться выскользнуть наружу при очередной смене караула. Скажите, мы с вами хотим узнать правду о Пенелопе и Мариссе Фиттис? Да, хотим. Конечно хотим! Мы столько сил приложили, чтобы оказаться здесь, что отступить просто смешно. Я не вижу никакого повода для паники. Если мы правы и могила пуста, тогда нам вообще не о чем волноваться. Если мы ошибаемся, то сумеем справиться и с обитаемой могилой – этому нас учить не нужно, это у нас всегда очень хорошо получается, верно? – улыбнулся он. – Но поверьте, мы не ошибаемся. Мы с вами стоим на краю большого, огромного открытия. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

– Ну, не знаю, – проворчал Киппс, поправляя свои странные громоздкие очки. – По-моему, слова «хорошо» и «могила» никак не сочетаются друг с другом.

Но Локвуд его не слышал, он уже начал спуск по крутым, уходящим под землю ступеням. За его спиной мерцающий свет зажженных свечей падал на бюст Мариссы Фиттис, и ее тонкие железные губы, казалось, недобро улыбаются нам вслед.

Ладно, давайте прервемся ненадолго, пока мы стоим возле открытого люка и уходящих в темноту ступеней. Никакая жуть на нас из люка не выпрыгнула, ловушек тоже не было видно – по крайней мере пока. Все мы были живы, целы и невредимы. Все это позволяет мне немного отвлечься и рассказать вам, что же заставило нас пятерых (или пятерых с половиной, если считать говорящий череп) нелегально проникнуть среди ночи в самую знаменитую во всем Лондоне усыпальницу.

Нет, я не собираюсь вам долго рассказывать, каким именно способом мы пробрались внутрь мавзолея, хотя, честно говоря, это тоже довольно занятная история. Чтобы мы смогли попасть в гробницу Мариссы Фиттис, Джорджу пришлось ночами наблюдать за караулом возле мавзолея и составить точный график смен охранников. Затем настала очередь Киппса, и он несколько недель выслеживал сержанта с ключами от мавзолея. Следующим этапом, который потребовал высочайшей слаженности действий, стало похищение ключей. (Холли отвлекла внимание сержанта, Локвуд вытащил из кармана охранника ключи, сделал с них восковой оттиск и вернул ключи на место – и все это заняло тридцать секунд.) Потом один из приятелей старьевщицы Фло Боунс сделал ключи с восковых слепков, и нам осталось лишь в момент смены караула незаметно проникнуть в мавзолей.

Нет, не эту историю я имела в виду. Я хотела пояснить, зачем вообще мы решились на такое рискованное предприятие.

А для ответа на этот вопрос нам с вами придется мысленно вернуться на пять месяцев назад, в тот момент времени, когда мы с Локвудом шли вдвоем по сумрачной, скованной морозом местности. Та прогулка полностью перевернула наши с ним представления об окружающем мире, да и о нас самих тоже.

Почему, спросите вы? Да потому, что неожиданно для нас мы с Локвудом оказались за границами нашего мира. Или, если хотите, попали в иной мир. Что это было за место? Трудно сказать, а еще труднее описать. Другая Сторона – так часто называют это место. А еще – Потусторонний Мир. Наверняка в различных религиях и культах поклонения мертвым у него существует еще множество названий. Лично мне это место не показалось похожим ни на рай, ни на ад, какими их нам описывают. Просто это был мир, внешне очень похожий на наш с

вами, только оледеневший, безмолвный, раскинувшийся под угольно-черным небом. И там бродили мертвецы – это был их мир, а мы с Локвудом оказались в нем непрошеными гостями, чужаками, пришельцами. По большому счету нам не было места в этой нескончаемой морозной потусторонней ночи.

На Другую Сторону мы с Локвудом попали, в общем-то, совершенно случайно, пытаюсь спастись бегством от своих врагов, однако обнаружили, что, оказывается, мы не одни живые души в этом мире мертвых. Выяснилось, что Другой Стороной очень интересуется и пытается изучать ее не кто иной, как сам мистер Стивен Ротвелл, внук знаменитого Тома Ротвелла и глава парапсихологического агентства «Ротвелл», второго по величине во всем Лондоне. Он создал в глухом провинциальном уголке страны исследовательский центр, где проводились эксперименты с проникновением одетых в железную броню сотрудников на Другую Сторону. Попадали они туда через портал, созданный из окруженных железной цепью Источников. Нам сложно что-либо сказать об истинной цели исследований в центре Ротвелла. Попытка самого Стивена Ротвелла заткнуть нам рот закончилась его собственной гибелью в портале, а за этим последовал устроенный нами мощный взрыв, уничтоживший весь исследовательский центр вместе с порталом. Ну а последствия той катастрофы оказались грандиозными. Революционными, можно сказать.

Начнем с того, что осиротевшее агентство Стивена Ротвелла немедленно прибрала к рукам хозяйка другого крупнейшего агентства, Пенелопа Фиттис, в одночасье ставшая после этого самой влиятельной женщиной в Британии. Так закончилось более чем полувековое непримиримое соперничество двух знаменитых агентств.

Но из того случая нами были сделаны и мрачные выводы. Наш собственный опыт показал, что существует прочная связь между неудержимым стремлением злых духов попасть в наш мир и присутствием живых людей на Другой Стороне. У нас сложилось стойкое убеждение, что чем активнее проникают живые на Другую Сторону, тем сильнее стремятся попасть в наш мир растревоженные ими мертвецы. Это наше открытие имело для нас громадное значение. Ведь более полувека Британия безуспешно боролась с Проблемой – невиданным по масштабу нашествием призраков, остановить которое никак не удавалось, как не удавалось никому и выяснить причины этого нашествия. Сейчас у нас в руках оказался ключ к решению Проблемы, и нам не терпелось оповестить об этом всю страну.

Но мы не могли этого сделать. Почему? Потому что это было нам запрещено.

И запрет этот исходил не от кого-нибудь, а от самой всемогущей Пенелопы Фиттис. Она не знала о нашем с Локвудом удивительном и странном путешествии на Другую Сторону (об этом мы рассказали только самым близким друзьям), однако ей было известно, что мы обнаружили кое-что в лаборатории Ротвелла, и она категорически потребовала, чтобы мы никому не смели обмолвиться об этом ни единым словом и прекратили любые попытки дальнейших исследований. И это была не просьба с ее стороны, и не дружеский совет, но холодный, содержащий потаенную угрозу приказ. И мы не питали ни малейших иллюзий относительно того, что нас всех ждет, если мы осмелимся нарушить свое молчание.

Разумеется, подобный приказ не мог не привести нас в ярость. Как же так, почему женщина, возглавляющая борьбу с Проблемой, запрещает нам проводить исследования, которые, возможно, дадут ключ к ее решению?! Причины, побудившие Пенелопу Фиттис отдать такой приказ, оставались для нас непонятными, но, по нашему общему мнению, не могли быть безобидными и добрыми. Ко всему этому примешивалось еще одно загадочное и важное обстоятельство. Дело в том, что череп, который жил в своей банке у нас дома, когда-то давно разговаривал однажды с Мариссой Фиттис, а увидев заезжавшую к нам (чтобы отдать тот самый приказ) Пенелопу, стал клятвенно заверять, что Пенелопа и Марисса – это одно и то же лицо, одна и та же женщина.

Однако с каким бы сильным подозрением ни относились мы к Пенелопе Фиттис, поверить на слово известному вралю черепу мы тоже не могли. Оставался лишь один способ узнать правду – заглянуть в серебряный гроб и своими глазами посмотреть, лежит ли в нем Марисса Фиттис.

Ступени были крутыми и узкими. Мы спускались вниз медленно, осторожно, шаг за шагом. Локвуд шел первым, за ним Джордж, Холли и я, а замыкал нашу цепочку Киппс. Каждый держал в руке поднятую над головой горящую свечу – мерцающие пятна света сливались друг с другом, образуя небольшую светящуюся гусеницу, ползущую у нас под ногами.

За нашими спинами бледно светился, постепенно угасая, конус света от фонаря, оставленного нами возле открытого люка. Справа от нас тянулась сложенная из

каменных блоков стена – гладкая, покрытая блестящими капельками влаги. Слева открывалась пустота, проникнуть в которую свет наших свечей не мог. Локвуд рискнул на секунду включить свой фонарь – его луч утонул в черной пустоте, после чего мы все стали еще теснее прижиматься к стене справа от нас. А затем и эта стена неожиданно куда-то пропала, и дальше нам пришлось спускаться вниз, ощущая бездонную пустоту с обеих сторон от узкой каменной лестницы.

В подобных местах с человеком часто происходит что-то очень странное. Начинают дрожать ноги, и ты все больше теряешь контроль над мышцами своего тела. Начинаешь пошатываться, чувствуя, как тебя притягивает бездонная пропасть. Нарастает психическое напряжение, появляется страх, что кто-то или что-то приближается, чтобы наброситься на тебя из темноты. Сделав пару шагов, мы каждый раз останавливались и зондировали окружающее нас пространство с помощью своих Даров. От глухой, абсолютной тишины все сильнее начинала кружиться голова.

Не прибавляли бодрости и мрачные рассуждения, долетавшие из висящего за моими плечами рюкзака, в котором я несла банку с черепом.

– О, какое жуткое местечко! Замечательно!.. Внимательнее под ноги смотри, Люси, иначе тебя занесет и полетим мы с тобой черт знает куда... Мне-то что, я уже мертвый, а вот ты... Тебе интересно было бы узнать, что чувствуешь, падая во тьме навстречу своей смерти?

Ну и так далее, и тому подобное.

Кончилось тем, что я пригрозила черепу, что вытащу из рюкзака его банку и вышвырну во тьму. Замолчал. А там и стена справа снова появилась. Вскоре после этого ступени резко свернули влево и стали менее крутыми.

В рюкзаке у меня за спиной вновь появилось угасшее было свечение.

– Я устал, – заявил призрак. – Это Локвуд виноват. Тащится как улитка.

– Он все делает правильно. Выверяет каждый наш шаг.

– Столетняя бабушка по сравнению с ним молодая лань. Гепард! Акула! Мох растёт быстрее, чем движется твой разлюбленный Локвуд.

Да, Локвуд, мягко говоря, не спешил. Вытянув шею, я могла видеть его освещенное свечами лицо – он сосредоточенно, внимательно осматривал каждую новую ступеньку, прежде чем ступить на нее ногой, не забывая оглядывать и покрытую каплями влаги стену. Одним словом, оставался лидером, человеком, который стоит на границе между идущей за ним группой и лежащей впереди темнотой. Как всегда, свою роль лидера Локвуд исполнял с присущей ему элегантностью и кажущейся простотой, которая придавала мне уверенность даже в таких местах, как эта крипта. Я улыбнулась ему. Разумеется, он не ответил, потому что не мог меня видеть. Не важно.

– Ты в порядке, Люси? – спросил шедший позади меня Киппс. – Может, что-то почувствовала?

– Нет, ничего. Все в норме.

– Просто увидел, как ты гримасничаешь. Знаешь, а у меня очки начинают запотевать. Скорее бы добраться до дна этой чертовой крипты. Что это Локвуд так тянет, а?

– Он все делает как надо. Правильно делает, – ответила я.

Мы оба замолчали и продолжали медленно спускаться вслед за Локвудом в облачках дыма от наших чадящих свечей. Какое-то время ничего не происходило – только тянущая справа стена, только мерцание свечей и тяжелое шарканье подошв по каменным ступеням, а затем...

– Да шевелитесь же вы, черепахи! – это череп, не выдержав, проревел мне в уши как корабельная сирена. От неожиданности я вздрогнула, потеряла равновесие и нырнула вперед, попав рукой, в которой держала свечу, прямо в шею Холли. Холли вскрикнула и повалилась на Джорджа. Джордж споткнулся и ударил Локвуда под колени. Локвуд, склонившийся над очередной ступенькой, не удержался на ногах и кубарем покатился вниз – бум! бум! бум! Голова-ноги, голова-ноги, – и, потеряв по дороге свою рапиру, докатился так до самого дна и повалился на спину, болтая ногами в воздухе.

Мертвая тишина. Мы все замерли, ожидая услышать щелчок открывшейся ловушки, глухой удар свалившегося сверху камня, печальный шорох погребальной пелены. Ничего не произошло. Если и раздавались какие-то звуки, то их слышала только я одна, и это было радостное хихиканье черепа. Локвуд поднялся на ноги. Мы начали спускаться к нему, подобрав по дороге его рапиру.

– Не понимаю, из-за чего поднялся весь этот переполох, – заявил череп, когда некоторое время спустя я вытащила из рюкзака его банку и все мы столпились возле нее. Призрачное зеленое лицо ярко светилось и выражало восторг. – Ну, ты же меня знаешь, Люси. Я такой нервный, я так легко возбуждаюсь... Ну что я могу с этим поделаться?

– Ты мог погубить всех нас, – строго сказала я. – Если бы Локвуд попал в ловушку...

– Но он же не попал в нее, правда? Смотри на вещи позитивно. Теперь мы знаем, что оставшиеся десять-двенадцать ступенек никакой опасности не представляли – это Локвуд проверил своей задницей. Так что можно веселиться.

Когда я передала слова черепа своим товарищам, никто из них почему-то не развеселился.

– На этот раз он перешел все границы, – сказала Холли. – Лично я голосую за то, чтобы завтра же отправить его в печи Фиттис, в Клеркенвелл.

– Ну зачем же сразу так строго, – возразил Киппс. – Я вот, например, благодарен ему. То, как Локвуд катился вниз, я запомню до конца своей жизни. Неповторимая была картина! А череп... Ну не вы же, в конце концов, отвечаете за его воспитание, верно? Уж какой он есть, такой есть, ничего с этим не поделаешь. Так что я голосую за то, чтобы постараться выжать из него максимум пользы для нас, вот и все.

Здравого смысла в словах Киппса было больше, чем в нервном заявлении Холли, это все поняли. Я прошла вперед, остановилась рядом с Локвудом. Из раскрытой горловины рюкзака жадно выглядывал череп.

– Потрясающе! – прошептал он. – У меня сейчас самое лучшее место в этом цирке. Если повезет, я смогу отсюда увидеть, как Локвуд споткнется и еще раз

приложится носом к ступеньке. Чего ты от меня хочешь за билетик в первый ряд?

– Я хочу, чтобы ты внимательно следил за тем, нет ли на следующих ступеньках петель, рычажков, натянутых проволочек, переворачивающихся каменных плит, ловушек простых, ловушек с призрак-бомбами и всего прочего, что может нам всем угрожать. Как только заметишь что-нибудь, немедленно крикни. Все остальное время молчи. Чтобы я ни одного лишнего слова больше от тебя не слышала. Согласен?

– Да.

– Тогда впе...

– Стой! – завопил череп еще громче, чем тогда, когда повалил Локвуда с лестницы.

– Что еще? – спросила я и от души выругалась себе под нос.

– Спокойно. Я просто выполняю свою работу. Все как договорились. На следующей ступеньке ловушка. Надеюсь, даже вы ее увидите, олухи.

Я включила фонарь и сразу же увидела блестящую проволочку, натянутую на уровне моей лодыжки.

– Растяжка, – выдохнул Джордж.

– Ага, и может быть, кое-что еще, – указал Локвуд на вырезанную в стене маленькую канавку, в которой исчезала проволока. Он поднял свою свечу выше. Один из камней наверху был больше остальных и слегка выступал над гладкой поверхностью стены. – Возможно, если бы мы задели проволоку, он свалился бы нам на голову. Очень может быть, а может быть, и нет...

– Давайте не будем это проверять, – попросила Холли и громко сглотнула.

Один за другим, мы перешагнули через проволоку, дрожа при этом не столько от могильного холода, сколько от страха. Затем Локвуд вытер тыльной стороной

ладони капельки пота со лба и сказал:

– За эту проволочку мы должны поблагодарить наш череп. А теперь двинемся дальше. По-моему, идти осталось совсем недалеко.

Мы продолжили спуск по плавно заворачивающим в сторону ступеням. Череп молчал. Судя по всему, новые опасности нам не угрожали. Вскоре перед нами оказался широкий, почти полукруглый арочный проход. На подходе к нему ступени кончились, и мы оказались на ровном каменном полу.

Никто из нас не произносил ни слова. Каждый включил свой Дар и принялся сканировать лежащую перед ним темноту, но никто ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Я провела пальцами по стене – никакого парапсихологического отклика. Наши термометры показывали плюс семь градусов – холодно, конечно, но для могильного подземелья вполне нормальная температура. Никаких причин для волнения.

Впрочем, все это не означало, что мы убрали свои рапиры, вовсе нет. Мы с Локвудом погасили свечи и включили свои фонари. Держа в одной руке горящий фонарь, а в другой обнаженную рапиру, мы медленно прошли с ним сквозь арку и оказались в большом облицованном камнем зале.

Гробница Мариссы Фиттис представляла собой овальное помещение с высоким сводчатым куполом. По форме оно напоминало парадный зал на первом этаже мавзолея, откуда начался наш спуск вниз. Лучи наших с Локвудом фонарей то скрещивались, то разбегались в разные стороны, но повсюду натыкались лишь на облицованные гладкие стены и ровный, мощный каменными плитами пол. Здесь не было ниш, дверей, альковов, но зато посередине этой каменной пещеры...

Лучи наших фонарей сошлись и застыли в этой центральной точке, осветив прямоугольный постамент из серого гранита высотой около метра. Постамент окружало целое море букетиков высушенной, почти переставшей пахнуть лаванды, а по боковой стенке постамента тянулось вырезанное в граните слово «ФИТТИС».

А на вершине постамента в свете наших фонарей холодно поблескивал серебряный гроб.

Гроб был покрыт великолепной серебристой драпировкой, украшенной знаменитым символом агентства «Фиттис» – вставшим на дыбы единорогом.

– Не хочу спешить с выводами, – негромко проговорил Локвуд, – но мне кажется, что мы с вами добрались до цели.

– Да, это тот самый сделанный по специальному заказу гроб, в котором, как принято считать, она покоится с миром, – так же шепотом ответил Джордж. Действительно, это место не располагало к тому, чтобы разговаривать в полный голос. – Три дня этот гроб стоял в Вестминстерском аббатстве, где к нему стекались толпы охваченных горем горожан, после чего усопшую перенесли сюда.

– Если она в этом гробу, конечно, – заметила я и вновь включила свой Слух. Нет, слышно ничего не было. Тишина и покой.

– За тем мы и пришли сюда, чтобы это выяснить, – сказал Локвуд, решительно подходя к постаменту. Мне показалось, что своими уверенными движениями он пытается унять охвативший всех нас страх. – Всех дел осталось на пять минут, после чего мы сразу уходим. Работаем как договаривались. Приготовьте цепи.

В нашей уютной гостиной в доме 35 на Портленд-Роу мы не раз проигрывали эту часть операции. Мы заранее знали, что к этому моменту напряжение и страх достигнут своего пика. А страх, как вы понимаете, может заставить человека забыть о каких-то совершенно очевидных вещах, поэтому все будущие действия нам нужно было затвердить до автоматизма. Вот почему мы раз за разом раскладывали тяжелые железные цепи вокруг нашего дивана в гостиной (он у нас изображал серебряный гроб Фиттис), тщательно скрепляли их концы, образуя неразрывное кольцо, затем насыпали пространство внутри цепей солью и железом и расставляли на равном расстоянии друг от друга зажженные лавандовые свечи. Тренировки не прошли даром: постамент с гробом, включая и то, что могло находиться внутри него, в считанные секунды был оцеплен и отрезан от внешнего мира.

Закончив, мы выстроились с внешней стороны цепей.

– Хорошо, – сказал Локвуд. – Теперь гроб. Что ты скажешь о нем, Джордж?

– Как и ожидалось, этот гроб сделан по особому заказу фирмой «Эдгар и Соумс». Он обшит свинцом, сверху нанесено серебряное покрытие, заперт на две застёжки. Эта модель должна быть снабжена противовесами, поэтому крышка при открытых застёжках остается в приподнятом положении, – Джордж старался говорить спокойно, однако я видела, как по его повернутой ко мне щеке градом течет пот. Это была не обычная гробница, к которым мы давно привыкли. Эта крипта, этот постамент, этот серебряный гроб все сильнее нервировали нас. Лицо Холли побледнело; Киппс, казалось, вот-вот сжует до крови свою нижнюю губу. Даже череп в моем рюкзаке притих, и зеленоватое свечение внутри его банки почти полностью погасло.

Локвуд глубоко вдохнул и сказал, обводя нас взглядом:

– Что ж, теперь мой выход на сцену. Старушка Марисса первой начала борьбу с Проблемой, создала самое первое парапсихологическое агентство. За это наследие, которое она оставила нам, мы ей вечно благодарны. Но мы с вами знаем также, что после себя она оставила тайну, разгадка которой, возможно, хранится в этом гробу...

– Не тяни, – перебила я его.

– Как прикажешь, – улыбнулся он мне в ответ.

Джордж и Киппс держали наготове свои свечи, мы с Холли вытащили магниевые вспышки.

Локвуд перешагнул через цепи и приблизился к постаменту.

Гроб находился где-то на уровне его груди. Осторожно и ловко Локвуд ухватил серебристую драпировку с единорогами и сбросил ее к подножию плитуса. Открывшаяся нашим взглядам крышка гроба была нетронутой, идеально гладкой и сверкающей в лучах наших фонарей. На гробе, как и предсказывал Джордж, виднелись две массивные застёжки. Локвуд щелкнул ими – одной, второй, – и со звуком, от которого сжалось мое сердце, они откинулись вниз.

Ну, вот и настал момент истины. Если череп не ошибся, гроб должен быть пуст.

Локвуд взялся за край крышки, легко толкнул ее вверх и сразу же отскочил назад, за разложенные на полу цепи.

Джордж опять оказался прав: установленные внутри гроба противовесы зафиксировали крышку – она немного покачалась и замерла, наклонившись под углом.

Внутри гроб казался залитым тьмой, непроглядной тьмой до самого края.

Киппс и Джордж подняли руки вверх, и мерцание их свечей осветило внутренность гроба. Теперь стало видно, что изнутри он обит красным шелком...

И на этом шелке лежало что-то длинное, тонкое, накрытое белым саваном.

В течение нескольких секунд никто из нас не произнес ни слова. Мы с Холли стояли, подняв руки с зажатыми в них магниевыми вспышками. Остальные тоже замерли, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. И все не отрываясь смотрели на накрытый саваном предмет. Казалось, что атмосфера внутри крипты сгустилась и всей тяжестью навалилась на наши плечи, не давая шевельнуться.

– Так-так-так, а дома, оказывается, кто-то есть, – чуть слышно сказала наконец Холли.

– Вот и верь после этого тухлым черепам, – пробормотал Киппс и длинно, витиевато выругался.

Тут и я очнулась и сердито похлопала ладонью по банке:

– Череп! Эй, череп, отзовись!

– Ну что еще? – раздался недовольный голос, и внутри банки постепенно начало разгораться зеленоватое сияние. – Слушай, меня тошнит. Слишком много серебра вокруг. Гадость!

– Плевать мне, что тебя тошнит. Ты на гроб посмотри!

– Ну, посмотрел, – после затянувшейся паузы ответил череп. – Там может лежать еще чей-то старый труп, не обязательно Мариссы. Или десяток кирпичей, накрытых саваном. Я уже говорил, а для тупых еще раз повторю: это не Марисса. Приподнимите саван и взгляните на лицо.

Зеленоватое свечение погасло. Я передала своим друзьям все, что сказал мне череп. Они его словам не обрадовались.

– Наверное, действительно следует взглянуть, что там, под саваном, – сказала я.

– Согласен, – медленно кивнул Локвуд. – В конце концов, это совсем не сложно.

То, что лежало в гробу, не было завернуто в саван – лишь прикрыто им сверху. Но для того, чтобы откинуть белую ткань, кому-то все равно предстояло войти внутрь выложенного из цепей круга. Кому?

– Совсем не сложно... – повторил Локвуд. – Под белой тряпкой просто мертвое тело. Ну и что? Мало мы с вами трупов видели? – Он посмотрел на нас и продолжил, вздохнув: – Ладно. Это сделаю я. Стойте наготове.

Он без промедления перешагнул через железную цепь, подошел к гробу и, ухватив уголок савана, резко отбросил его в сторону и отпрыгнул назад. Мы все отступили вместе с ним. Как справедливо заметил минутой ранее Локвуд, трупов мы в своей жизни навидались. В любых количествах и на разной стадии разложения. Вот почему каждому из нас хотелось оказаться чуть поодаль от того ужасного зрелища, которое нам предстоит увидеть.

И это зрелище действительно оказалось ужасным. Правда, не в том смысле, который мы предполагали.

Видите ли, в чем дело – лежащее в этом гробу тело было совершенно не тронуту тлением.

По подушке цвета слоновой кости разметались длинные пышные седые волосы, обрамляя исхудавшее, белое как мел лицо, переливавшееся в свете наших фонарей словно воск. Это было морщинистое лицо очень пожилой женщины с острым, крючковатым как у орла носом. Губы ее были плотно сжаты, глаза

закрыты. Да, это было то же самое лицо, которое смотрело на нас с железного бюста там, наверху, только старше и изможденнее. А самым жутким было то, что оно не походило на лицо мертвеца; казалось, Марисса Фиттис всего лишь спит. Просто удивительно, как хорошо сохранился ее труп – ведь прошло столько лет...

Никто из нас ничего не говорил. Никто не шевелился. Это продолжалось до того момента, когда капля расплавленного воска скатилась со свечи на руку Киппса. Его короткий вскрик вывел всех нас из оцепенения.

– Марисса Фиттис, – выдохнул Джордж. – Это она...

– Закройте крышку! – истерично выкрикнула Холли. – Закройте ее быстрее, пока...

Она не закончила фразу, но все мы прекрасно поняли, что она хотела сказать. «Закройте ее быстрее, пока не пробудился дух Мариссы Фиттис!» – вот что имела в виду Холли, и я с ней была целиком и полностью согласна. А еще меня охватил гнев оттого, что мы потратили столько усилий понапрасну.

– Проклятый чертов череп! – с чувством сказала я.

– Какие же мы дураки! – воскликнул Киппс и вновь, который уже раз за сегодняшнюю ночь, выругался. – Давайте уматывать отсюда, да побыстрей. Ей точно не понравится, что кто-то залез туда, где она спит вечным сном. Пошли, Локвуд, не мешкай!

– Да-да... – На Локвуда вид трупа Мариссы Фиттис в гробу подействовал гораздо меньше, чем на любого из нас. Он перегнулся вперед над цепями, пристально вглядываясь в мертвенно-бледное лицо. – Удивительно хорошо она сохранилась, просто удивительно... Интересно, как им удалось этого добиться?

– Ее мумифицировали, – предположил Джордж.

– Наподобие египетских фараонов? Разве в наши дни такое тоже делают?

– Конечно. Тем более что сделать мумию не так уж и сложно. Требуется всего лишь подобрать нужные травы, масла, ну и запастись натром – это разновидность каменной соли. Из всего этого нужно приготовить раствор и замочить в нем тело покойника. Правда, перед этим следует выпотрошить его, удалив все кишки, и головной мозг тоже – это делают через нос специальными крючками. Довольно хлопотное занятие. Представьте себе сильный насморк у Люси. Вот и мозги точно так же тянутся, тянутся из носа как сопли, и никак не закончатся. Ну а примерно через месяц тело достают из раствора, высушивают и начинают набивать все его полости...

– Ясно, ясно, – перебил его Киппс. – Теоретически сделать из покойника мумию вполне возможно, это мы поняли. Детали можно опустить.

– Да, но знание деталей еще никому не вредило... – начал Джордж, поправляя очки.

– И тем не менее... – сказал Локвуд, вновь переступая через цепи и подходя к гробу. – Нет, я никогда не слышал о мумии, которая выглядела бы так...

– Локвуд, что ты делаешь? – спросила я.

– Такое впечатление, будто она умерла лишь вчера, – пробормотал он, прикасаясь пальцами к лицу покойницы.

– Эй, не трогай ее!

– Локвуд!!!

– Сейчас, сейчас... – Раздался негромкий чмокающий звук – и от лица Мариссы Фиттис отделилась кожа.

Холли зажала себе ладонью рот. Джордж зашипел как рассерженный кот. Киппс судорожно стиснул мою руку.

Локвуд отступил назад. С его пальцев тряпкой свисало лицо пожилой женщины.

– Взгляните, – улыбнулся он. – Это всего лишь маска. Пластиковая маска. И еще вот это... – Локвуд протянул вторую руку с зажатым и в ней тяжелым, моментально ставшим бесформенным седым париком. – Маска и парик. Подделка. Здесь все маскарад и подделка. Прав оказался твой череп, Люси! Эй, все в порядке, успокойтесь.

В первый момент мы не были в порядке. Мы были ошеломлены. А затем напряжение прошло и на смену ему нахлынуло облегчение. Киппс внезапно расхохотался, Холли принялась качать головой, продолжая при этом прижимать ладонь ко рту, а я, обнаружив, что все еще стою, держа в руке магниевую вспышку, убрала ее назад, в кармашек на рабочем поясе.

– Ну, Локвуд, – сказала я. – Ты меня потряс. Такого мерзкого трюка в твоём исполнении я еще не видела. Кожу с лица покойницы содрать!

– Да ладно, что тут такого мерзкого? Это же не кожа – маска. И в гробу лежит не труп, а чучело. Подойдите и посмотрите сами.

Переступив через цепи, мы окружили гроб. На красной шелковой подушке лежала лишенная маски и парика восковая голова. Она была нормального размера, с грубо намеченным выступом носа и провалами пустых глазниц, но во всем остальном оставалась всего лишь желтоватым, покрытым легкими потеками восковым шаром.

– Какое жульничество! – возмутился Джордж, наклонившись над гробом. Он еще ниже сдвинул саван, обнажив топорно слеplенный восковой торс и тонкие, сложенные на груди восковые ручки. – Чучело в натуральную величину, и вес, наверное, подходящий, поэтому никто ни о чем и не догадался, пока ее несли. А маска – это на тот случай, если бы пришлось приоткрыть крышку и кто-нибудь мог заглянуть в гроб.

– Итак, в гробу ее нет, – подвел итог Локвуд. – И весь мавзолей – сплошное надувательство.

– Уму непостижимо! – продолжал негромко смеяться Киппс. Он протянул руку и постучал костяшками пальцев по груди воскового чучела. Раздался неприятный глухой звук. – Чучело! А мы все так перепугались... Чучело!

Меня тоже разбирал смех. Он помог сбросить напряжение этой долгой ночи и слегка расслабиться. Наверное, все мы чувствовали себя сейчас одинаково. Холли выудила откуда-то плитку шоколада и принялась раздавать ее, разламывая на дольки. У всех в руках появились фляжки-термосы с горячим кофе. Мы прислонились спинами к гробу.

– Нужно будет сообщить всем об этой подделке, – сказал Джордж.

– Возможно, это делать еще рано, – нахмурившись, возразил Локвуд. – Ведь мы раскрыли лишь половину тайны. Узнали, что в этом гробу нет Мариссы. Но в таком случае где же она?

– Где, где... Череп уже сказал где. Марисса теперь стала Пенелопой, – ответила я.

Тук-тук...

За нашими спинами Киппс продолжал отбивать на восковой кукле какой-то ритм.

– Чучело! – повторил он. – Мы не можем об этом молчать. Нужно пойти в ДЕПИК, обо всем рассказать, предъявить им маску, потом привести сюда репортеров. – Он потянулся к шоколадке. – Спасибо, Холли.

– Сложно сказать, кто согласится нам поверить, – заметила Холли, отдавая Киппсу последнюю дольку шоколада. – Пенелопа давно уже успела прикормить половину сотрудников ДЕПИК.

– Но не всех же. Возьми Барнса, например.

– Барнса? Да, с ним все в порядке. Но велик ли сейчас его вес в ДЕПИК?

Тук-тук...

– Отложим все решения до завтра, – распорядился Локвуд. – А сейчас давайте думать, как нам выбраться наружу до следующей смены караула у дверей мавзолея.

Тук-тук... Туки-туки-тук...

- Перестань, Квилл, - сказала я. - Хватит барабанить. Достал уже.

- Так я давно уже прекратил, - удивился Киппс. - Стою, ем шоколад, как все, кофе пью...

Тут все мы посмотрели на прислонившегося спиной к постаменту Киппса. Он поднял вверх обе руки и показал нам. Стук продолжался. Мы одновременно переглянулись, одновременно проглотили остатки шоколада, а затем посмотрели назад.

Что-то тянулось из гроба, тыкалось в его край, производя тот самый стук. Это была восковая рука, она судорожно дергалась, и вместе с ней тряслось все восковое чучело, а из глубины гроба уже поднимались волны мутного призрачного тумана.

3

Всего лишь десять минут назад все было хорошо. Даже пять минут назад все было прекрасно. Мы оставались начеку и готовы были встретить любое явление призрака одновременно пятью ударами рапир. Так же мы вели себя поначалу и возле гроба - один на секунду приближается к нему, четверо следят, стоя с внешней стороны цепей. А потом, обнаружив в гробу восковую куклу, мы расслабились. Мы позволили себе отключиться, потерять бдительность. Мы нарушили, причем грубо нарушили, три главных правила, которые обязан соблюдать любой агент при расследовании. Во-первых, все перестали использовать свой Дар. Во-вторых, зашли за оцепление. И в-третьих, позволили себе повернуться к гробу спиной. Таких ошибок не допускают даже семилетки из Ночной Стражи. Они и то прекрасно понимают, что любая из них почти наверняка станет для них последней. Мы допустили чудовищные, невероятные ошибки!

Поняв это, увидев движущуюся восковую куклу и волны призрачного тумана, мы на мгновение застыли в оцепенении. Наш мозг оценивал возникшую ситуацию

на долю секунды дольше обычного, и этой микроскопической задержки оказалось достаточно, чтобы утратить контроль над происходящим.

Призрачный туман был таким густым, что весь гроб казался заполненным до краев молочно-белой жидкостью, и в этом тумане возилась, тяжело поднимаясь, желтая восковая фигура. Она вцепилась пальцами за края гроба, и раздался сухой треск – это лопался и осыпался воск. Окруженная туманом, жуткая фигура теперь уже сидела в гробу.

- Назад! Назад! – раздался крик Локвуда.

Мы дружно, как один, отпрянули от гранитного постамента со стоящим на нем серебряным гробом. Но охватившая нас паника лишь усиливалась, а это всегда приводит к новым ошибкам. На высоте оказался только Локвуд – он уже летел по воздуху, вытаскивая прямо в прыжке магниевую вспышку из своего пояса. Легко приземлившись с внешней стороны цепей, он вскинул руку, готовясь швырнуть вспышку. А что мы, то есть все остальные? Нам, к сожалению, оказалось далеко до нашего лидера. Мы просто попятились назад – на четвереньках, спиной к цепям, не сводя с гроба ошеломленных глаз. Киппс выронил свою свечу. Я, чтобы не разорвать выложенный из цепей круг, выгнулась как кошка и перекатилась через цепи спиной, вывалявшись при этом в соли и железных опилках. Холли и Джордж оказались еще более неуклюжими, чем я. Они проползли прямо через цепи, сдвинув их с места.

Цепи разошлись. Железный круг был разорван.

Сквозь образовавшуюся в разошедшихся цепях брешь хлестнул порыв ледяного ветра, пронесся по всей крипте.

Свой кульбит я завершила на корточках и, не распрямляясь, повернулась на каблуках, срывая с пояса магниевую вспышку. Над моей головой просвистела вспышка, брошенная Локвудом. Баллончик со вспышкой летел по крутой дуге в сторону гроба, в котором сидела безликая, обернутая в саван тощая фигура, медленно поводя из стороны в сторону своей бесформенной безглазой головой.

Брошенный Локвудом баллончик ударился о край крышки гроба, прямо за спиной восковой фигуры.

Все, что находилось на постаменте, утонуло в ослепительной вспышке белого пламени.

Не знаю, то ли потому, что в этом подземелье была очень хорошая акустика, то ли по какой-то другой причине, но взрыв показался мне громче, чем обычно. И ярче тоже. Я отвернулась в сторону и прикрыла глаза. Киппс – он был ближе всех к взрыву – вскрикнул. В ушах у меня звенело. На секунду меня обдало волной раскаленного воздуха, а затем вновь стало холодно.

Я открыла глаза. Раскаленные добела железные опилки дождем сыпались на каменные плиты пола, внутренность гроба полыхала, в язычках пламени танцевали, догорая, остатки разодранной в клочья красной шелковой обивки.

А над всем этим возвышалась темная фигура – неподвижная, сгорбленная, накрытая обгоревшим саваном.

– Цепи! – Я схватилась за разошедшиеся концы цепей, пытаюсь соединить их, мои товарищи бросились мне на помощь. Но тут из гроба вырвался мощный порыв ледяного ветра и вновь разбросал железные цепи в стороны. Через края гроба тугими струями продолжал стекать молочно-белый туман, растекавшийся затем по полу. Мы не могли соединить цепи, не погрузив руки в этот туман, а рисковать нам не хотелось. Обычный призрачный туман угрозы не представляет, но этот туман был другим – более густым, липким и, возможно, смертельно опасным.

– Забудьте про железо, – крикнул нам Локвуд. – Все назад! Пробуйте разбить его вспышками!

Сидевшая внутри гроба темная фигура пришла в движение – казалось, она не знает, каким образом нужно передвигать свои руки и ноги, или просто забыла, как это делается. Добравшись до края гроба, фигура неуклюже перевесилась через него, а затем грохнулась вниз, приложившись головой о каменный пол и погрузившись в призрачный туман, а спустя секунду исчезла в ослепительном блеске двух взорвавшихся магниевых вспышек. Была, правда, и третья вспышка, но она улетела совершенно не туда и взорвалась в дальнем углу крипты. У меня нет ни малейшего сомнения, что третью вспышку бросил Джордж, славящийся своей «меткостью». Взрыв оглушил нас и, обдав жаркой волной, ослепил вспышкой яростного серебристого пламени.

– Что это была за тварь? – спросил Киппс. Он шел неуверенной походкой, чтобы присоединиться к нам. Из одного уха у него текла кровь, на черном свитере зияли прожженные частицами магниевых вспышек дыры.

– Возвращенец, – ответил ему Локвуд. – Редкий Гость.

– Но воск...

– Его кости были спрятаны в восковой оболочке. Призрак может двигать своими костями, а вместе с ними шевелится и воск. – Он снял с пояса банку и добавил: – Быстрее! Помогите мне посыпать пол солью.

Ничто не двигалось в догорающих язычках серебристого пламени, но мои товарищи немедленно присоединились к Локвуду и принялись сыпать соль на каменные плиты. Я им не помогала. Я стояла замерев на месте, продолжая сжимать в руке банку с магниевой вспышкой. До этой минуты мой парапсихологический Слух молчал, но сразу после того, как отгремели взрывы, он неожиданно ожил, и я услышала голос – хриплый, как воронье карканье, и совершенно лишенный интонаций. И этот голос монотонно повторял до бесконечности имя:

– Марисса... Марисса... Марисса...

– Отходим к лестнице, – сказал Локвуд.

Мы попятились в направлении арки, не сводя глаз с догорающих язычков пламени. В их свете можно было рассмотреть лежащую ничком на полу фигуру.

– Надеюсь, мы добились его, – прошептала Холли.

– Нет, – ответила я, продолжая слышать у себя в голове бесцветный голос.

– А я думаю, что добились, – сказал Киппс. – Должны были добить. Да нет, наверняка добились.

Темная фигура подняла голову и начала медленно вставать с пола.

– Не может быть! – вскрикнул Киппс. – Это... Это нечестно, черт побери! Два Греческих огня! Да этого за глаза должно было хватить!

– Возможно, его защитил восковой панцирь, – сказал Локвуд и показал рукой, чтобы мы продолжали отходить. Мы были уже у самого основания каменной лестницы, ведущей вверх. – Да, воск. Он предохранил от огня и кости, и плазму. Но это ненадолго. При каждом движении Возвращенца воск будет ломаться. Смотрите, уже ломается.

И в самом деле, восковая фигура уже не выглядела гладкой. Вокруг шеи образовалась неровная трещина, а с локтей и коленей воск успел почти полностью отвалиться – оставшиеся кусочки падали в озерцо призрачного тумана при каждом судорожном движении суставов. Поднявшись на ноги, Возвращенец медленно, прихрамывая на обе ноги, двинулся в нашу сторону.

– Марисса...

Я ахнула, впервые услышав в бесцветном прежде голосе гнев, смешанный с печалью. Затем меня обдало мощной, обжигающей волной мрачных, жутких эмоций.

– Марисса...

– Он говорит, – сказала я. – Мариссу зовет.

Мы прошли сквозь арку и собрались у подножия лестницы.

– Вот как? – переспросил Джордж, стирая прилипшие к стеклам очков железные опилки, обгоревшие от магниевой вспышки. – Думаешь, это кости человека, которого Марисса убила, чтобы засунуть вместо себя в гроб?

– Не знаю. Но этот Возвращенец, мягко говоря, счастливым себя не чувствует. Злится и тоскует.

– Я бы тоже, наверное, злилась и тосковала, если бы меня убили, закатали в воск, засунули в чужой гроб и надели на лицо старушечью маску, – задумчиво сказала Холли.

– Интересно... – протянул Джордж, косясь на хромающую вслед за нами фигуру. – Очень интересно, кто бы это мог быть...

– Да, это, конечно, очень интересно, – неприязненным тоном заметил Киппс, – но меня сейчас гораздо больше волнует то, что эта тварь озлоблена, что она, всего в нескольких шагах, ковыляет за нами, а впереди нас ждет симпатичная такая каменная ступенька с проволочной растяжкой.

– Ты прав, – сказал Локвуд. – Зажечь фонари. Поднимайтесь вверх друг за другом. Идите как можно быстрее, но при этом не забывайте следить, нет ли впереди ловушек. Короче говоря, аккуратнее там, особенно ты, Джордж. Я пойду замыкающим.

Сказав это, Локвуд вытащил свою рапиру.

Киппсу и Джорджу повторять приказ было не нужно, они сразу же начали подъем по ступеням. Холли помешкала немного, помялась, но потом полезла следом за ними. Я задержалась внизу.

– И ты тоже иди, Люси.

– Ты собрался совершить какую-то глупость, – ответила я. – Меня не обманешь, я тебя знаю.

– Значит, мы оба безумцы, – ответил он, поправляя упавшую на лоб темную прядь. – Ну, есть у тебя какой-нибудь гениальный план?

– План у меня самый обыкновенный. Надеюсь поговорить с нашим Возвращенцем и попытаться успокоить его. А ты что предлагаешь?

– А я надеюсь успокоить Возвращенца, отрезав ему ноги рапирой.

– Думаю, наши планы один другого стоят, – усмехнулась я.

Мы встали с Локвудом плечом к плечу. Возвращенец был уже совсем близко от нас, и с каждой секундой двигался все быстрее и увереннее – может, вспомнил наконец, как это делается, а может, ему стало легче, когда весь воск от

суставов отвалился, не знаю. Было хорошо видно, как двигаются освободившиеся суставы, а из остатков воскового торса торчат почерневшие ребра. Зрелище было страшноватое, но вместе с тем какое-то жалкое. Раскачиваясь, как страдающий от морской болезни матрос, Возвращенец пролез сквозь арку, пару раз приложившись боком к ее стенкам.

– Думаю, тебе лучше отходить первой, – сказал Локвуд. – Сейчас эта тварь начнет пробиваться к лестнице. – Он широко улыбнулся мне и добавил: – Даю тебе двадцать секунд на переговоры.

– Да ты меня просто балуешь! – Я глубоко вдохнула, вновь включила свой Дар и начала слушать бесцветный голос, эхом разносившийся по пустой крипте. Я подавила шевелившийся в глубине моего сознания страх и открыла себя для связи с потусторонним созданием. – Кто ты? – спросила я. – И что тебе сделала Марисса? – Подождав, но не дождавшись ответа, я продолжила: – Мы можем помочь тебе. Как тебя зовут?

Я еще немного подождала, присматриваясь к Возвращенцу. Выглядел он, прямо скажем, далеко не лучшим образом. Остатки воскового панциря на груди оплавилась, покрылись застывшими желтоватыми каплями, а ниже открывалась пустая полость, внутри которой белел позвоночник. Одна сторона восковой головы исчезла – то ли оплавилась от магниевой вспышки, то ли откололась при падении из гроба на каменный пол. Теперь внутри этой дыры виднелась челюсть и несколько чудом уцелевших на ней зубов. Заключенный внутри этой мешанины из костей и воска призрак тоже находился не в лучшем настроении, обезумев от длительного заточения в восковой тюрьме и пережитого им унижения.

– Мы можем тебе помочь, – повторила я.

Ломаная-переломанная тварь приблизилась еще немного. Ее пустые глазницы были залиты расплавленным воском.

– Мы можем отомстить за тебя. Мы враги Мариссы.

– Марисса...

– Последняя попытка, – предупредил Локвуд, поднимая в воздух свою рапиру. – По-моему, он тебя не понимает. Отходи.

- Погоди. Я попытаюсь еще раз. Он такой несчастный...

Возвращенец вытянул свои костлявые, покрытые остатками воска руки так, словно хотел обнять меня.

- В сторону, Люси!

- Марисса...

- Еще секун... Ой!

Локвуд бесцеремонно отпихнул меня в сторону в тот самый момент, когда жуткая фигура вдруг ринулась вперед, причем с неожиданной быстротой и легкостью. Локвуд даже не успел направить рапиру на ноги призрака, как собирался, и вместо этого попал клинком в покрытую воском грудь Возвращенца. Рапира глубоко вошла внутрь, застряла, облепленная еще не остывшим вязким воском, и вырвалась из руки Локвуда. Вокруг нас бушевал холодный вихрь, к моему горлу тянулись костяные пальцы с прилипшими к ним кусочками воска. Я, вскрикнув, отпрянула, Локвуд одной рукой подхватил меня, а другой толкнул Возвращенца в восковую грудь. Призрак отлетел назад и ударился о стену. Из его груди продолжала торчать рапира Локвуда. От удара о стену от фигуры отлетели новые куски воска, обнажив ребра и позвоночник.

- Уходим, Люси! - Локвуд схватил меня за руку и потащил к лестнице. Там, выхватив из-за пояса свой фонарь, он направил его луч вперед, перед нами. - Плохо это, - приговаривал он на бегу. - Совсем нехорошо. Все эти твои разговоры с призраками... Он же чуть не схватил тебя! Еще немного - и ты могла погибнуть! Как ты этого не понимаешь?! Договориться с ним она хотела!

- А ты собирался отрубить ему ноги. Отрубил?

- Увы. Только лучшую свою рапиру потерял.

- Ладно, зато, может быть, твоя рапира выиграла нам немного времени. - Я обернулась и тут же исправилась: - Нет, ничего она нам не выиграла.

Клацая костяными пальцами и коленями, жуткая тварь карабкалась вслед за нами по каменным ступеням. Карабкалась яростно и неотвратно, словно взбесившаяся собака. С Возвращенца падали капли воска, и там, где проступили наружу обнажившиеся кости, можно было заметить проблески эктоплазмы.

- Не беда, - сказал Локвуд. - Мы все равно быстрее этой твари и легко опередим ее, если только не залетим в ловуш... О черт! Это еще что?!

В лучах наших с Локвудом фонарей показались Джордж, Киппс и Холли, они пятились назад, вниз по каменной лестнице.

- Что вы делаете?! - крикнула я. - Назад обернитесь! Эта тварь прямо у нас за спиной!

- А впереди еще одна тварь, другая, - откликнулась Холли.

- Что?! Как же так?

- Джордж задел растяжку. Точнее, наступил прямо на нее. Сдвинулся камень, и из-за него вылез призрак.

- Вылез призрак... Великолепно, Джордж!

- Простите. Я слегка задумался.

- Мы из последних сил боремся за жизнь на этой проклятой лестнице, а он, видите ли, «слегка задумался»! Да как ты мог?!

- Где этот новый призрак? - спросил Локвуд, протискиваясь мимо нас вперед. - Давайте за мной. Вперед, только вперед, возвращаться назад не вариант.

Чтобы добраться до ступени с проволокой-растяжкой, много времени не понадобилось. Теперь над этой ступенью в стене темнела ниша, появившаяся на месте выступавшего из стены камня. А еще чуть впереди над ступенями парила в воздухе полупрозрачная фигура. Этот призрак манифестировал себя в виде пожилой женщины в юбке до колена, блузке и жакете. У нее были длинные седые волосы и неприятная, словно приклеенная, улыбка на бледном

неподвижном лице. Весь призрак был слегка размытым, серым, ярким пятном выделялись лишь его темные блестящие глаза.

– Призрак маленькой старушки? Ах, какой ужас! – притворно покачал головой Локвуд. – У вас же есть рапиры, если я не ошибаюсь. Почему бы вам не пустить их в дело?

– Мы пытались, – уныло ответил Джордж и добавил, указав рукой вправо, на край ступеней, за которым чернела бездна: – Эта тварь умеет насылать ветер. Очень сильный ветер. Короче, она едва не сдула нас с лестницы.

– Мы с вами кто – профессионалы или олухи из какого-нибудь агентства вроде «Банчерч и компания»? Дай мне твою рапиру. – Локвуд выхватил клинок из руки Джорджа и перескочил через проволоку-растяжку. Неподвижные до этого волосы призрака внезапно зашевелились, и ударил порыв ледяного ветра, настолько сильный, что Локвуд повалился на ступени и только чудом смог удержаться от падения в черную бездну. Локвуд стряхнул с себя пыль и сел, привалившись спиной к стене, тянувшейся слева от лестницы.

За моим плечом начал лениво разгораться зеленый свет, а потом у меня в голове зашелестел знакомый голос черепа:

– Ну, привет, давно не виделись! Как дела?

– Как дела, как дела... Как сажа бела! Выгляни да сам посмотри! – сказала я, наблюдая, как Локвуд, сгибаясь под призрачным ветром, приближается к банке с черепом.

– Сейчас взглянем... Ух ты, ну вы даете! Я всего на пять минут оставил вас одних, и за это время вы умудрились двух призраков с поводка спустить, да еще и застряли между ними на лестнице у края пропасти! Потрясающе! Нет, это не просто идиотизм – это идиотизм в квадрате! Ну что, дурачки, теперь ждете, пока кто-нибудь умный подскажет вам, как можно выбраться из этой... Ладно, скажем мягче – решить эту проблему?

Я посмотрела вниз, туда, где за поворотом стены все ярче разгоралось потустороннее свечение – это медленно, но неотвратимо подползал к нам восковой Возвращенец с торчащей у него в груди рапирой Локвуда.

– Ну, если тебе есть что предложить... – откликнулась я, стараясь говорить как можно небрежнее.

– Мне всегда есть что предложить, – так же небрежно и неторопливо заверил меня череп. – Но вначале я хочу получить ответ на один вопрос. Скажи, когда ты собираешься выпустить меня из этой банки?

– Сейчас не время обсуждать это.

– Ошибаешься, сейчас самое время.

– Ну, не во время же расследования вести такие разговоры. Дома поговорим.

– Дома? Дома ты никогда со мной не разговариваешь. В упор меня не видишь. Игнорируешь. Засунешь в темный угол рядом с солью, железными опилками и прочей дрянью – и привет. М-да... А может, это мне сейчас стоит тебя игнорировать? Чтобы ты поняла, каково это...

– Мы обсудим твой вопрос, обещаю! Завтра же! А сейчас... как насчет мудрого совета, который ты обещал?

Я посмотрела вниз. Возвращенец был уже намного ближе. Его пальцы полностью очистились от воска и цеплялись за каменные ступени с омерзительным костяным стуком – клац... клац... клац...

Я посмотрела вверх. Там Локвуд сражался со вторым призраком, метавшимся из стороны в сторону, чтобы избежать удара рапирой.

– Все настолько примитивно, что я просто поражаюсь твоему скудоумию. Тот злой дух, который внизу, тащит свой Источник с собой. Ну, ты его кости-то, надеюсь, видишь? А как насчет того злого духа, который сейчас крутится у тебя над головой? Где его Источник?

– Откуда мне знать... – начала я, осматриваясь по сторонам, и, еще не успев договорить начатую фразу, догадалась, где должен находиться Источник. Разумеется, в нише, оставшейся на месте выпавшего камня! Я зажала в зубах свой фонарик, подпрыгнула, ухватилась за нижний край ниши и заглянула

внутри. Там было небольшое, покрытое слоем серебра углубление, а в нем – пара розовых вставных челюстей.

– Вставные зубы? Кому, интересно, могут служить Источником вставные зубы?

– Тебе-то какое дело? Избавься от них.

Но я и без черепа уже успела схватить вставные челюсти – противно гладкие и ужасно холодные. Не медля ни секунды, я соскочила вниз, на лестницу, и швырнула их за край ступеней в темную бездну. Спектр в виде пожилой женщины резко дернулся в сторону, очертания его причудливым образом исказились, расплылись. Бешено сверкнули темные глаза, и призрак вслед за своим Источником улетел во тьму. Рапира Локвуда повисла в пустоте. Моментально стих ледяной потусторонний ветер, и мы остались на лестнице одни – если, конечно, не считать Возвращенца, который упорно карабкался по ступеням, приближаясь к нам.

Из его груди продолжала торчать рапира Локвуда, а воск с рук и ног призрака полностью осыпался. Сейчас в ярких лучах наших фонариков этот Гость выглядел как масса почерневших шатающихся костей, связанных друг с другом тонкими нитями эктоплазмы. Прикосновение лишенных воскового панциря пальцев грозило стать смертельно опасным. Треснувшая восковая голова жутко скалилась уцелевшими зубами.

Призрак попытался броситься на нас. Джордж вскрикнул, Киппс взвизгнул, Холли успела взмахнуть своей рапирой. Кончик клинка перерезал шею Возвращенца. Восковая голова качнулась, отделилась, ударилась о стену, а затем с глухим стуком покатила вниз по ступеням.

Мы замерли, ожидая, что обезглавленное тело бросится ее догонять, но вместо этого на месте отрезанной восковой головы появилась новая, полупрозрачная. Призрачная. Теперь стало видно, что перед нами призрак мужчины средних лет с вытянутым морщинистым лицом и густыми спутанными волосами.

– Он все еще здесь?! – простонал Джордж. – Когда же это кончится?! Дайте хоть дух перевести!

Но мы уже поторапливали его, и Джордж полез наверх. Он поднимался первым, я оказалась замыкающей – если не считать висевшей у меня за спиной в рюкзаке банки с черепом.

– Не забудь! – настойчиво шептал мне в уши череп. – Завтра! Ты обещала!

– Да, если, конечно, я дотяну до завтра.

Над нашими головами уже показался люк, через который мы начали спуск в крипту, и падающий сквозь него серый конус света. Мои ноги словно налились свинцом, каждый шаг давался мне с огромным трудом.

– Марисса... – раздался за моей спиной замогильный бесцветный голос. – Марисса...

– Он на самом деле очень хочет добраться до тебя. – На этот раз это был мой череп. – Его плазма так и рвется наружу. Еще немного – и он выпрыгнет из своего костяного мешка, так что будь настороже, Люси. А еще лучше – прибавь шагу.

– Пытаюсь! – пробормотала я сквозь зубы.

Что-то вцепилось в мой рюкзак, потянуло меня назад. Я вскрикнула, рывком наклонилась вперед и врезалась в Киппса. Тот налетел на Локвуда, который толкнул идущих перед ним Холли и Джорджа. Настал ужасный миг, когда вся наша цепочка пошатнулась и была готова свалиться с лестницы, но каким-то чудом мы сумели устоять на ногах, нелепо размахивая руками, чтобы сохранить равновесие.

Уже в следующую секунду мы дружно, один за другим, выпрыгнули из люка, а за нами по каменным ступеням щелкали костяные пальцы призрака.

В нашей цепочке я была последней. Выпрыгнув в полутьму мавзолея, я обернулась и увидела у себя под ногами белое призрачное лицо, смотревшее на меня из темноты.

Локвуд и Киппс уже держали углы поднятой каменной плиты. Я откатилась в сторону, и они отпустили камень, который с грохотом встал на место. Дрогнули огоньки зажженных свечей.

- Охрана... - поморщился Локвуд.

Какое-то время мы сидели и ждали появления охраны. Обошлось. Там, снаружи, никто ничего не услышал. Мой рюкзак лежал на полу, а на его поверхности дымились три полосы, прожженные пальцами призрака. Я отодвинула рюкзак в сторону и присела на край каменной плиты, дыша как паровоз.

- Мы сделали это, - сказала наконец Холли.

- Да, сделали, слава богу, - поддержал ее Киппс.

В торчащей из раскрытой горловины рюкзака банке появилось зеленоватое лицо нашего черепа. Он удовлетворенно кивнул, и у меня в ушах прошелестело:

- Отлично... Успели закрыть люк в самый последний момент. - Череп сделал многозначительную паузу, затем спросил: - Эта плита изнутри обшита железом, Люси?

- Нет, - ответила я, все еще с трудом переводя дыхание.

- А может быть, серебром?

- Нет.

- Ну, да, конечно, зачем все это? Глупая затея. Да и слишком дорого... - Он посмотрел на меня как на слабоумную и продолжил: - Но какая-то защита там была, или...

Или... Что?

- Локвуд! - сказала я, поспешно отодвигаясь от края плиты-люка. Очень вовремя я это сделала, нужно признать. Из центра плиты потекли бело-голубые ледяные струйки. Мы все моментально расползлись на пятых точках в разные стороны,

царапая пол своими рапирами. И одновременно с этим над плитой, словно вытянутый сквозь камень на невидимых нитях, поднялся призрак. Это был дух в чистом виде, свои кости он оставил внизу, на ведущей в подzemелье лестнице. Вначале появилась морщинистая, покрытая паутиной голова, за ней шея, затем прикрытая смятым, перекрученным саваном грудь. Тут же зажегся и начал разливаться вокруг тошнотворный потусторонний свет. Он накрыл нас, и мы свернулись, застыли на месте, словно личинки под сдвинутым бревном.

Где-то неподалеку от меня Киппс пытался выхватить свою рапиру, но никак не мог этого сделать, потому что он на ней сидел. Локвуд, стоя на коленях, слепо шарил рукой по своему поясу, безуспешно пытаюсь нащупать магниевую вспышку. Что делала я, спрашиваете? Я продолжала отползать назад, потому что основное внимание призрака, кажется, было приковано именно ко мне.

Итак, я отползала все дальше, а призрак вырастал все выше, держа свои прикрытые саваном руки опущенными и плотно прижатыми к бокам.

– Ого, да он здоровенный, этот парень, – сказал череп. В его тоне чувствовался слабый оттенок исключительно научного интереса, и ничего больше.

Я остановилась, упершись спиной в холодную стену мавзолея.

Призрачная фигура шевельнулась, одним легким, неуловимым движением преодолела по воздуху разделявшее нас пространство и зависла надо мной. Затем надо мной склонилось покрытое грязью и паутиной лицо призрака, и я почувствовала идущий от него запах воска и сырой земли, ощутила с помощью своего Дара безграничное, абсолютное одиночество этого потустороннего существа. Ко мне протянулась изможденная рука, шевельнула призрачными пальцами, и в моей голове прозвучали слова: «Марисса Фиттис...»

Кто-то из моих товарищей что-то кричал, но я слышала только голос призрака.

– Да, – хрипло ответила я. – Что с ней?

В поле моего зрения появился Локвуд с зажатой в поднятой руке магниевой вспышкой.

- Люси! - крикнул он. - Откатись в сторону, не перекрывай!

- погоди, - остановила я его, продолжая всматриваться в покрытое грязью и паутиной лицо.

- Люси, шевелись!

- Марисса... - сказал призрак. - Приведи ее ко мне...

В следующий миг призрачная фигура исчезла, будто ее здесь никогда и не было. Напряженная атмосфера в мавзолее рассеялась, дышать стало легко и свободно. Меня качнуло вперед, волосы упали мне на лицо, закрыв глаза. В тот же самый момент внезапно погасли все горевшие в мавзолее лампы, и огромный зал погрузился в кромешную тьму.

Кто-то зажег ручной фонарь и приближался с ним ко мне. Локвуд. Луч его фонаря высветил плавающие в воздухе пылинки и прилипшие к моим коленям нити паутины.

- Люси? - спросил Локвуд, опускаясь на корточки рядом со мной.

- Я в порядке.

- Что он с тобой сделал?

- Ничего. Слушай, Локвуд... - Я запнулась, не зная, как продолжить. - Скажи... у нас были когда-нибудь клиенты-призраки?

- Разумеется, нет, - удивленно уставился на меня Локвуд. - С какой стати?

Я откинула голову назад, прислонилась затылком к холодному камню и сказала:

- Видишь ли... по-моему, у нас только что появился именно такой клиент. Потусторонний.

Безжалостная Красавица

4

Жилой дом номер 35 на Портленд-Роу, служивший также офисом агентства «Локвуд и компания», был местом весьма необычным. Как только за моей спиной захлопнулась массивная черная входная дверь, я увидела приветливую улыбку хрустального черепа, который заменял абажур горящей на столике для ключей лампы, и сразу же, словно сброшенный на пол плащ, с меня слетели все тяготы и заботы, и сразу стало так легко на душе...

Я сунула свою рапиру в высокую подставку для зонтов, которую мы использовали специально для этого, повесила куртку на крючок и прошла в холл мимо полок с расставленными на них странными горшками, масками и высушенными расписными тыквами. Если бы сейчас стоял день, я заглянула бы в гостиную посмотреть, нет ли там кого-нибудь из наших, а ночью заглянула бы в библиотеку, где мог засидеться кто-то из полуночников. Если бы в библиотеке никого не было, я отправилась бы на кухню. Кухни часто бывают настоящим сердцем дома, и наша не была исключением. Придя сюда, я легко могла догадаться, кто здесь недавно побывал. Об этом мне рассказал бы не успевший выветриться запах тоста (Локвуд) или кекса (Джордж и Киппс). Открытая банка с крупнолистовым зеленым чаем и пара семян подсолнуха на разделочном столе? Это Холли. Скорее всего, сейчас она работает с бумагами в офисе. Правда, найти следы пребывания Холли на кухне удастся редко, она девушка на редкость аккуратная и, как правило, ничего за собой не оставляет. Но еще реже можно почувствовать на кухне запах копченой селедки и увидеть комочки засохшей речной тины возле двери черного хода. Это означает, что у нас в доме не так давно побывала Фло Боунс.

Дом был нашим приютом, надежным убежищем, где всегда можно укрыться от призраков и других, порой не менее мрачных вещей. Самыми счастливыми в нашей жизни были те короткие часы, которые мы проводили все вместе, собравшись на кухне к позднему завтраку наутро после завершения очередного расследования. Как хорошо было сидеть всем вместе за столом, на котором дымятся кружки со свежесваренным чаем, а в открытом настежь окне виден залитый солнцем сад!

Так было и наутро после нашего визита в мавзолей Фиттис, когда мы уселись на кухне пить чай – Локвуд, Джордж и я. Холли с нами не было, она ушла в лавку Арифа за продуктами. На столе у нас теснились открытые баночки с джемом, подставки для вареных яиц, масленка, тарелки с оставшимися на них крошками от тостов. Мы уже наелись, но все равно готовы были продолжать и не спешили заканчивать наш завтрак. Ах да, еще на краю нашего стола стояла призрак-банка, на стенках которой поблескивали долетающие сквозь жалюзи полосы солнечного света. Перед каждым из нас дымилась кружка с чаем. Похожий на объевшегося кота Джордж откинулся на спинку своего стула и влажным кухонным полотенцем стирал пыль с лежащей у него на коленях странной деревянной маски. Локвуд рисовал ручкой какие-то загогулины на нашей скатерти для размышлений – так мы называли кухонную скатерть, на которой записывали свои мысли, оставляли друг другу записки, от нечего делать рисовали чертиков и так далее. Не переставая вслепую чертить по скатерти, Локвуд просматривал утреннюю газету, которую для удобства прислонил к призрак-банке. Обитавший в банке призрак спал, плазма за стеклом лениво покачивалась, словно зеленая вода в глубоком тинистом пруду.

Я сидела рядом с Локвудом, прикрыв глаза и наслаждаясь тишиной и покоем. После вчерашнего ночного приключения болели мышцы, да и голова все еще оставалась мутной, не проснувшейся до конца. У Локвуда после похода в мавзолей Фиттис осталась свежая царапина на левом виске, а на стекла очков Джорджа налипла могильная пыль. Что и говорить, тяжелая выдалась ночь, и у нас до сих пор еще не было времени, чтобы ее обсудить.

– Любопытные новости в сегодняшней утренней газете, – заметил Локвуд.

– Хорошие? – Я лениво приоткрыла один глаз.

– Нет.

- Плохие?

- Одна плохая, одна так себе. И обе не слишком радостные для нас.

- Тогда начни с той, что так себе, - сказал Джордж. - К неприятностям лучше привыкать постепенно. Успеваешь акклиматизироваться, так сказать.

- Значит, так, - начал Локвуд, протягивая руку за своей кружкой. - Новость, которая так себе, касается ликвидации еще одного агентства. На этот раз это «Дэллоп и Твид». Они согласились с условиями, выдвинутыми агентством «Фиттис». Старый мистер Дэллоп ушел на покой, а его агентство влилось в «Фиттис».

- А что по этому поводу говорит мистер Твид? - спросила я.

- Ничего не говорит. Мистера Твида несколько лет назад убил Отшельник.

- Вот и еще одному маленькому агентству пришел конец, - нахмурилась я, глядя на сияющее за окном голубое небо. - Нас остается все меньше...

- Адам Банчерч пока еще держится, - сказал Джордж, продолжая начищать зубы деревянной маски. - Слышали, что с ним случилось на прошлой неделе? Банчерчу предложили влиться в «Фиттис» - на очень выгодных условиях, разумеется, - но он пришел в ярость и спустил переговорщика с лестницы.

- Не уверен, что ему следовало это делать, - заметил Локвуд, потягиваясь на стуле. - Вряд ли такое сойдет ему с рук. Боюсь, что долго Банчерч не продержится... Ох, спина моя, спина. Просто разламывается. А это все твой череп, Люси.

- Почему это мой? Наш. Я всего лишь за всех нас с ним разговариваю. Ты сказал, что есть еще и плохая новость. Ну?

- А, да. Тут, понимаете ли, такое дело... Одним словом, Винкмана выпустили из тюрьмы.

Джордж опустил полотенце и широко раскрыл глаза.

– Джулиуса Винкмана? – переспросила я. – Но, насколько мне помнится, он получил десять лет.

– Правильно, он получил десятку, – кивнул Джордж. – За нелегальную торговлю артефактами, обладающими паранормальными свойствами. За подстрекательство к насилию. За разграбление могил. При этом он не провел за решеткой и двух лет, как его уже выпустили! Где же закон? Где же справедливость?

Вот в этом весь Джордж. Нет, закон, справедливость – это все, конечно, важно, но меня в данном случае гораздо больше беспокоило то, что за решеткой Джулиан Винкман оказался во многом благодаря нам. А он, как хорошо всем известно, был человеком не только жестоким, но и очень злопамятным.

– Здесь написано «выпущен на свободу за хорошее поведение», – сказал Локвуд, щелкнув по газете. – А еще сказано, что у ворот тюрьмы Винкмана радостно встречали его жена Аделаида и их любимый сынок Леопольд. На вопросы репортеров Винкман ответил, что он покончил с прошлым, что никогда больше не будет заниматься торговлей на черном рынке и начнет свою жизнь с чистого листа.

– Не знаю, чем там собирается заниматься Джулиус, но нас он наверняка навестит, – заметила я. – Ему очень хочется нас убить.

– А может быть, Винкман пока заляжет на дно, – мрачно проворчал Локвуд.

– Сомневаюсь, – мрачно покачал головой Джордж.

Какое-то время мы все молчали. За окном по-прежнему стояло прекрасное солнечное утро, внутри каждого из нас еще не выветрилось радостное возбуждение, оставшееся после удачного завершения вчерашней ночной операции, и потому все наши сомнения и страхи постепенно улетучились.

– Что это ты нарисовал, Локвуд? – спросила я, разглядывая на скатерти его каракули. – На рассерженную цветную капусту похоже.

– С чем ты сравнила мой прекрасный набросок призрака с всклокоченными волосами? – удивился Локвуд, швырнув ручку на стол. – Ладно, допустим, я не Рембрандт, но я старался как мог нарисовать лицо того вчерашнего Возвращенца. В конце, когда он избавился от своих костей, я смог хорошо его рассмотреть. Вообще-то я рассчитывал, что по моему рисунку Джордж сумеет выяснить, кем этот призрак был при жизни.

– Если Джордж будет опираться на твой рисунок, ему придется вести поиски не в архивах, а в овощных лавках. – Я прикрыла глаза и медленно, четко, как для полицейского протокола, начала диктовать: – Это был мужчина. Белый. Средних лет. С очень морщинистым усталым лицом. У него были длинные седые волосы. Это все, что я о нем запомнила. Если честно, его слова поразили меня больше, чем его внешность. А ты что, снова отправляешься в архивы, Джордж?

– Да, правда чуть позже. Ведь через час к нам должен прийти клиент, – ответил Джордж, кладя очищенную маску на стол, прямо между масленкой и миской с кукурузными хлопьями. Теперь, после того как с нее сняли многолетний слой пыли, маска заиграла яркими красками, а над ней облачком пушистого белого дыма закачались птичьи перья. – Ну, что скажете об этой красавице? – спросил Джордж. – Маска полинезийского шамана. Я взял ее из комнаты Джессики. Открыл вчера последний ящик. Прекрасная вещь, правда?

– Согласен, – кивнул Локвуд. – А еще что-нибудь интересное там нашлось?

– Пожалуй, да, но эти несколько вещиц я покажу вам после второго завтрака.

Я внимательно рассмотрела маску шамана – низко нависшие брови и сердито перекошенный рот – и спросила:

– Джордж, ты что, думаешь, она обладает парапсихологической энергией?

– По-моему, в ней есть частица этой энергии, хотя я не так тонко чувствую ее, как ты, – ответил он. – Если не возражаешь, посмотри внимательнее эту маску попозже, Люси. Договорились?

– Конечно... – кивнула я и поняла, что не могу больше тянуть, что должна немедленно снять тяжесть с души. – Локвуд, Джордж, – сказала я, – что нам делать?

Разумеется, они знали, что я имею в виду. Воспоминания о нашем визите в мавзолей витали над нами все это утро, и это не удивительно. Согласитесь, не так-то легко забыть о распадающемся на куски Возвращенце, который гонится за тобой по лестнице, – но еще труднее не вспоминать о работе, которую заказал выполнить для него этот призрак. У нас у всех не шел из ума обитатель чужого гроба, ставший нашим заказчиком.

– Я много думал о Мариссе, – сказал Локвуд, – и считаю, что пока мы должны продолжать вести себя так, словно ничего не случилось. Мы очень многого еще не понимаем, поэтому было бы неразумно и опасно рассказывать кому-либо о нашем походе в мавзолей, во всяком случае до той поры, пока мы не найдем ответы на оставшиеся у нас вопросы. Итак, занимаемся заурядными расследованиями, не высовываемся, стараемся обходить любые неприятности, а тем временем в полной тайне ведем дальше свое расследование. Прежде всего ожидаем, что сможет обнаружить в архивах Джордж, изучив связи между Мариссой и женщиной, которую мы зовем Пенелопой.

– Семейство Фиттис было в центре борьбы против призраков с самого начала Проблемы, – задумчиво кивнул Джордж. – Если мы хотим найти решение Проблемы, нам придется разобраться и в тайнах этой семьи. С подачи нашего вчерашнего воскового приятеля я постараюсь разыскать в архивах все материалы, относящиеся к последним годам жизни Мариссы. Возможно, удастся напасть на след кого-то из ее помощников, странным образом пропавших примерно в то же время, когда было объявлено о смерти Мариссы. Тот вчерашний призрак совершенно определенно был с ней знаком, ты согласна, Люси?

– Он знал ее, – уверенно подтвердила я. – И до сих пор имеет на нее зуб. Большой и острый.

– Значит, это кто-то из ее ближнего окружения. Тот, кого предали и убили.

– Честно говоря, Возвращенец – персонаж второстепенный, – сказал Локвуд, беря свою кружку и хмуро глядя на остывший чай. – Для нас важнее всего установить, что именно произошло с женщиной, которая должна была лежать в этой могиле. С женщиной, которая, как принято считать, умерла двадцать лет назад. Люси, попробуй расспросить свой глупый череп. В конце концов, мы действуем по его наводке, и я продолжаю считать его важным ключом к тайне

Мариссы Фиттис.

– Тут кто-то вспоминал обо мне? – раздался голос, а следом за ним внутри банки показалось и лицо призрака. Наш призрак и так-то не красавец, но сегодня он выглядел еще хуже, чем обычно. Настоящий позеленевший утопленник. Несвежий к тому же.

– Ну и вид у тебя, – заметила я. – От такой кривой рожи молоко может скиснуть.

– Ну да, я устал. Не спал вчера всю ночь, – сказал череп. – Думаете, только вы, живые, можете устать? Между прочим, вы сами выглядите, мягко говоря, так себе. Ты какая-то измочаленная и полудохлая, Локвуд сидит синий, как удушенник, а у Каббинса желтая сыпь на подбородке. Что-то подхватил там, в крипте?

– Ничего он не подхватил, просто ел на завтрак яйцо. Всмятку, – пояснила я. – Впрочем, все это ерунда. Нам нужно поговорить с тобой о Мариссе.

– Нет, – возразил призрак и прищурил глаза. – Нам нужно обсудить вопрос о моем освобождении. Мы договаривались.

Я слегка замялась, потом осторожно ответила:

– Ну, не здесь же вести такие разговоры. И не сейчас. Поговорим об этом позже.

– Позже?! Как тебя понимать? Через шесть недель? Через год? Знаю я вас, женщин. Ведьмы. Все как одна.

– Ну зачем так сразу. Потерпи несколько минут.

– А то я этого раньше не слышал! Сначала «несколько минут», потом за это время что-нибудь стрясется, отвлечет твое внимание, тебе станет не до меня, и я так и останусь сидеть в своей тюрьме, барабаня пальцами по ее стеклянным стенкам.

– У тебя нет пальцев, – сердито возразила я. – И вообще я не думаю, что время имеет для тебя какое-то значение – ты же мертвый. И моего внимания ничто в

ближайшие несколько минут не отвлечет, так что прекрати ныть! – Я подняла голову и воскликнула: – Привет, Холли!

Она появилась в дверях кухни, держа в руке холщовую сумку, с которой ходила за продуктами, и, быстро окинув нас взглядом, пригладила свободной рукой свои длинные волосы.

– Пончики принесла, Хол? – сглотнул слюну Джордж, не сводя глаз с сумки.

– Принесла, – каким-то странным тоном ответила Холли. Она быстро прошла мимо нас и начала выкладывать покупки на разделочный стол. Движения у нее были быстрые, автоматические, лицо оцепеневшее, губы плотно сжаты...

– Холли, ты нормально себя чувствуешь? – спросила я.

– Не совсем. – Она отшвырнула в сторону пустую сумку, взяла с сушилки стакан и подставила его под кран с холодной водой. – В лавке Арифа я наткнулась на сэра Руперта Гейла.

Мы все как один уставились на нее. Сэр Руперт был помощником Пенелопы Фиттис. Великолепный фехтовальщик и очень опасный человек, он был «решалой», то есть не боялся испачкать руки в грязи и крови, выполняя деликатные поручения своей хозяйки. А еще он славился своим умением давить на противников Пенелопы и загонять их в угол. Все это было нам известно, поскольку наши с ним пути-дорожки уже не раз перекрещивались.

– Ага, вот и приехали, – скорбно объявил череп. – Свершилось. Теперь тебе точно будет не до меня.

Я опустила на крышке банки рычажок и спросила:

– Что он там делал, Хол?

– Меня дожидался. – Холли наполнила стакан водой и выпила его одним долгим, жадным глотком, словно пытаюсь смыть противный привкус во рту. – Уф, какой же он мерзкий!

– Он угрожал тебе? – спросил Локвуд, продолжая неподвижно сидеть на своем стуле.

– Открыто – нет, больше намеками. Ну, ты же его хорошо знаешь. Подходит к тебе вплотную, воняет своим лосьоном после бритья, улыбается. Сегодня сказал мне, что проверяет, «не выходим ли мы за рамки», занимаемся ли «исключительно безопасными и простыми расследованиями». Проще говоря, не копаем ли под Пенелопу, так это нужно понимать.

– Ну что вы, сэр Руперт, мы беремся теперь только за самые ерундовые дела, – насмешливо протянул Локвуд. – А что еще он сказал?

– А дальше последовала хорошо замаскированная угроза. Сэр Руперт предупредил, что если мы возьмемся за какое-нибудь «сложное», как он выразился, расследование, это может иметь для нас самые печальные последствия. «Но вы же не хотите, чтобы с вашим прелестным маленьким агентством случилось что-то нехорошее, мы тоже этого не хотим...» Мерзавец! – Она с грохотом поставила стакан в раковину. – Да, а еще он хотел узнать, где мы были прошлой ночью.

Мы с Локвудом быстро переглянулись.

– Какое именно время его интересовало?

– После полуночи. Сказал, что, по его сведениям, нас не было дома.

– Они опять следят за нами, – сказала я. – И что ты ему ответила?

– Что ничего не знаю, поскольку к этому времени уже ушла к себе домой, – пожала плечами Холли. – Боюсь, он сумел застать меня врасплох.

– Все в порядке, – беззаботно сказал Локвуд. – У нас на прошлую ночь имеется алиби, помните? Для всех мы были в Кентиш-Тауне, отважно сражались там с двумя каменщиками. Для Джорджа состряпать подтверждающий это документ пара пустяков и три минуты времени.

– Я его уже слепил, – хмыкнул Джордж. – Холли, ты выглядишь какой-то расстроенной. Брось. Открой лучше пакет с пончиками.

– Спасибо, лучше я возьму яблоко.

– Ни-ни-ни, – печально покачал головой Джордж. – В таком состоянии яблоко не поможет, это научно доказано. Когда у человека стресс... Между прочим, у меня сейчас тоже стресс... – И он уставился на лежащий на разделочном столе пакет.

– Согласен с тобой, Джордж, доставай тарелки, – сказал Локвуд. – У нас у всех стресс.

И мы все принялись за пончики, даже Холли. Между прочим, Джордж оказался прав: после пончиков мир, похоже, вернулся в свое нормальное состояние. Или почти нормальное, потому что в нем оставались вещи, которые ну никак нельзя назвать ни нормальными, ни правильными. Марисса не лежала в своем гробу, как ей положено. Винкман, как ему положено, больше не сидел за решеткой. Да и встречу Холли с сэром Рупертом нормальной тоже не назовешь.

* * *

По традиции за деятельностью всех парапсихологических агентств наблюдает Департамент парапсихологических исследований и контроля, сокращенно ДЕПИК, главный офис которого находится в Скотланд-Ярде, в центре Лондона. Чтобы обеспечить высокое качество расследований, ДЕПИК обладает властью наказывать провинившихся оперативников и даже целые агентства. Обычно дело заканчивается штрафом, но в редких, тяжелых случаях агентство могут вообще прикрыть. Впрочем, самих оперативников ДЕПИК беспокоит редко, гораздо больше внимания эта контора уделяет исследованию Проблемы.

Так было раньше, однако с тех пор, как во главе агентства «Фиттис» встала Пенелопа, многое начало меняться. Теперь мисс Фиттис сама контролировала три четверти проводимых в Лондоне парапсихологических расследований и постепенно прибирала к рукам оставшиеся независимыми агентства. Сотрудники «Фиттис» начали занимать в Скотланд-Ярде высокие посты, вытесняя ветеранов ДЕПИК.

Придумывались и вступали в силу новые правила, в результате чего маленькие агентства с их ограниченными возможностями теперь были вынуждены заниматься лишь самыми незначительными расследованиями. При этом контроль над ними постоянно усиливался, инспекторы ДЕПИК следили за каждым их шагом, и при самом малейшем нарушении правил маленькие агентства немедленно закрывали. На словах это делалось в интересах горожан, для их безопасности. На деле это была охота на оставшихся конкурентов «Фиттис».

Разумеется, и наше, самое маленькое во всем Лондоне, агентство «Локвуд и компания» не ускользнуло от внимания новых властей ДЕПИК. В любое время суток нам могли позвонить, чтобы проверить, дома ли мы. Нас могли остановить на улице и потребовать бумаги, подтверждающие, что мы действительно выполняем чей-то заказ, а не действуем на свой страх и риск. Более того, за нами следили. Нет, не то чтобы возле наших дверей постоянно дежурили топтуны, – но знаете, было такое ощущение, словно кто-то постоянно смотрит тебе вслед. Иногда нам удавалось засечь такого наблюдателя – им мог оказаться самодовольно улыбающийся парнишка, идущий вслед за нами к станции метро «Бейкер-стрит», или солидный джентльмен в шляпе, стоящий возле лавки Арифа и наблюдающий за тем, как мы проходим мимо. Иногда такие не назначенные встречи случались несколько раз на неделе, иногда нас почти на месяц оставляли в покое. Впрочем, какой уж там покой! Между прочим, в этом был глубокий потайной смысл. Нерегулярность слежки подчеркивала, что «Локвуд и компания» – это такая мелкая блошка, которая недостойна постоянного наблюдения.

За всем этим чувствовалась твердая рука Пенелопы Фиттис. Она очень хотела знать обо всем, что мы делаем. Она очень хотела держать нас в страхе – да только не на тех напала, мы были не из пугливых. И не из тех, кого легко застать врасплох.

Когда к нам в дом тридцать пять на Портленд-Роу с неожиданным визитом приходили инспекторы ДЕПИК, они всегда заставляли примерно одну и ту же картину.

Джордж возится в подвале возле раковины, пытаюсь отстирать в ней следы эктоплазмы со своих джинсов. Локвуд сидит в домашнем халате и, прихлебывая из кружки чай, записывает в журнал сведения об уничтоженных прошлой ночью Гостях. А мы с Холли приводим в порядок снаряжение, готовим к

транспортировке в печи Клеркенвелла найденные во время последнего расследования Источники. Одним словом, образцовое маленькое агентство в действии. Придраться не к чему. Инспекторам остается лишь пролистать наш рабочий журнал, снять копии с недавних договоров и отзывов наших клиентов, выпить чаю с печеньем и вежливо откланяться.

А как только Локвуд проводит наших посетителей и закрывает за ними дверь, наша дружная команда начинает заниматься делом. Для посторонних мы выглядим крошечным агентством, которое расследует такие же крошечные дела, вроде Каменщиков или Бледной Вони. В действительности же у нас была своя большая цель и свои далеко идущие планы.

Такая двойная жизнь была нелегким испытанием, и каждый из нас приспособивался к ней в меру собственных сил.

Холли относилась к этому точно так же, как к любому другому затруднению, – спокойно и смело смотрела возникшей проблеме в лицо. Будь то незаконное проникновение в мавзолей Фиттис или унижительный допрос на улице, она всегда и всюду оставалась самой собой – хладнокровной и невозмутимой Манро. Представить Холли другой было просто невозможно, а ее спокойствие не раз помогало мне обрести уверенность в том, что не все так мрачно и ужасно в нашем мире. Раньше невозмутимость Холли бесила меня, доводила до кипения, но теперь она стала для меня источником уверенности и в моих собственных силах. Я знала, что волосы Холли никогда не растреплются, что на ней элегантно будет смотреться любая одежда, а ее кофейного цвета кожа останется гладкой и свежей, свидетельствуя о пользе минеральной воды и овощных салатиков. Внешне Холли всегда будет полной противоположностью мне, любительнице бургеров и пирожных. Да, Холли всегда будет такой, и сейчас я от этого почему-то чувствовала себя счастливой.

Джорджа тоже отличала стойкость и твердость, правда совершенно иного рода. Внешне он казался абсолютно лишенным этих качеств – толстый увалень, мямля и неряха. Непричесанный, несобранный, неопрятный. Бесформенное, похожее на непропеченный оладышек лицо и упрямый непокладистый характер. Эту упертость считали недостатком даже враги Джорджа, признававшие его талант исследователя. Для них Джордж был пассивным собирателем информации, дурачком, тупо листающим газеты. Слабаком, способным лишь сидеть на стуле и совершенно непригодным для реального сражения с потусторонними силами.

Они ошибались по всем статьям. Джордж был настоящим сыщиком, он без устали метался по самым разным архивам в поисках той единственной зацепки, которая могла стать ключом к предстоящему расследованию. Нет, он не был пассивным собирателем информации! Роясь в пыльных архивах, Джордж действовал решительно и упорно, проявляя железную волю и демонстрируя чудеса дедукции. Выходя на архивную охоту, он становился похожим на терьера, который не успокоится, пока не доберется до лисы, а в случае с Джорджем – до факта, который может стать решающим. Исследователем Джордж был неутомимым. Эпидемию призраков он воспринимал как вызов, брошенный лично ему, и чем строже агентство «Фиттис» запрещало ему исследовать Проблему, тем настойчивее Джордж в нее углублялся.

И наконец, Локвуд, наш признанный лидер.

Он был центром, вокруг которого вращались все мы, включая Киппса, нашего бывшего соперника, ставшего нашим новым постоянным помощником. И даже включая Фло Боунс, грозу берегов Темзы и одну из самых известных лондонских старьевщиц – во всяком случае, по силе исходившего от нее запаха. Никому не приметные на зараженных призраками городских улицах, Киппс и Фло не раз выполняли наши тайные поручения. Они делали это просто потому, что их об этом просил Локвуд. Его слова было для них достаточно.

Секретом такого влияния Локвуда на окружающих, как и его сопротивляемости всем выходкам со стороны агентства «Фиттис», было присущее ему сочетание неукротимой энергии и невероятного спокойствия.

Совсем не много нашлось бы вещей, способных расстроить его, вывести из душевного равновесия. Локвуд всегда казался невозмутимым, любое давление на себя принимал с едва заметной улыбкой, что не мешало ему немедленно перейти к решительным ответным действиям. Такую манеру Локвуда реагировать на опасность много раз испытали на себе пришельцы с того света. Теперь познакомиться с ней пришла пора и его живым противникам. Локвуд заряжал всех своей энергией, что, однако, не мешало ему держать нас на некотором расстоянии от него.

Впрочем, из этого правила было одно исключение.

Больше всех из нас Локвуд доверял мне. Мы с ним всегда были очень близки, но еще сильнее сблизились после того, как пять месяцев назад я вернулась в наше агентство, из которого на время уходила. С тех пор мы стали больше времени проводить вместе – вместе работали, вместе отдыхали, часто смеялись. Мне было хорошо рядом с ним, ему было хорошо рядом со мной – и это было очевидно для нас обоих. Друг с другом нам с Локвудом было лучше, чем каждому из нас с кем-либо другим.

Хорошая новость, скажете вы? Да, хорошая.

Но была и плохая. Я не была до конца уверена, почему это так получилось.

Путешествие по Другой Стороне, которое мы совершили вдвоем с Локвудом, укрываясь под единственной уцелевшей шаманской накидкой, отгоняющей злых духов, навсегда изменило нас и отдалило от наших друзей. Никто из них не мог представить того, что довелось увидеть нам с Локвудом. Воспоминания об этом до сих пор не давали нам спокойно спать. Потребовалось несколько недель, чтобы к нам вернулась прежняя физическая форма. Мои волосы тронула седина; такие же седые пряди появились и у Локвуда. На самом деле, то путешествие настолько потрясло нас, что мы продолжали связывать с ним все, что происходило с нами в дальнейшем. Вот поэтому-то и было порой трудно понять, вызвано ли наше с Локвудом сближение именно этим путешествием или на то есть какая-то другая причина.

То, как Локвуд смотрел на меня, тень незащищенности, уязвимости в его глазах; взгляды, которыми мы с ним обменивались за спинами наших друзей, – на чем, собственно говоря, действительно основывалась такая наша близость?

Происходило ли это потому, что нас так тянуло друг к другу на самом деле – или это был какой-то побочный эффект совместно пережитого события?

А ведь это совершенно разные вещи.

Поймите меня правильно – я была рада нашим с Локвудом отношениям, очень рада. Просто я хочу во всем разобраться, вот и все.

Не добавляло ясности и то, что Локвуд никогда не говорил о своих чувствах и переживаниях, и то, что я сама никак не решалась затронуть эту очень непростую для меня тему. Да и то, что мы постоянно крутились как белки в

колесе, сражаясь то с призраками, то с инспекторами ДЭПИК, стараясь при этом выкроить время на то, чтобы распутывать дальше загадку Проблемы, тоже никак не могло помочь.

А тут еще и клиенты постучали в нашу дверь на полчаса раньше назначенного времени, чтобы добавить еще немного огоньку в нашу и без того напряженную жизнь.

5

Мы только-только успели доесть наши пончики, когда раздался звонок во входную дверь и его эхо угасло где-то в глубине дома.

- Что-то они рано, - нахмурился Локвуд. - У нас все готово к приему клиентов?

- Тминный торт на кофейном столике, - отрапортовала Холли. - Но в гостиной, как всегда, полный бардак. - Она встала и пошла открывать дверь, распорядившись на ходу: - Джордж, поставь опять чайник, пожалуйста. Локвуд, Люси, у вас есть тридцать секунд, чтобы привести гостиную в порядок.

Дело это для нас было привычным, так что уже через двадцать восемь секунд подушки на креслах в гостиной были поправлены, солевые бомбы убраны в шкаф, а окно, выходившее в тронутый красками ранней осени сад, широко распахнуто. На кухне, судя по доносившимся оттуда звукам, Джордж расставлял на подносе чашки, блюдца и ложки. Закончив приводить в порядок гостиную, мы с Локвудом встали возле кофейного столика в ожидании наших посетителей.

Их было двое, и они произвели на меня очень странное впечатление. Тот, что постарше, оказался полным коротышкой с носом картошкой, большими полными губами и маленькими, ярко блестящими и все время бегающими по сторонам глазами. Он был в умопомрачительном канареечно-желтом пиджаке в крупную черную клетку довольно поношенном, с кожаными заплатами на локтях. Под пиджаком обнаружили серый, туго облегающий кругленький животик жилет и белая рубашка с расстегнутым воротником, из которого торчали густые жесткие седые волоски. Этот наряд дополняли темно-красные вельветовые брюки. Лицо

клетчатого коротышки тоже было красным, в тон брюкам, что явно говорило о его тесной дружбе с винной бутылкой. На голове криво сидела потертая зеленая фетровая шляпа, из-под которой выбивались густые, очень курчавые волосы.

Рядом с ним стоял длинный тощий юноша в потертых джинсах и мешковатом свитере, который не скрывал, а, напротив, еще сильнее подчеркивал его худобу. Нос у юноши оказался длинным, тонким, слегка крючковатым, на голове шапка непричесанных темных волос, а кожа белая, как молоко. Его неподвижное лицо абсолютно ничего не выражало. Я очень сомневалась, видит ли он нашу гостиную, да и вообще все, что его окружает.

– Это мистер Льюис Тафнелл, – объявила Холли. – Мистер Тафнелл и... – замялась она, глядя на тощего парня.

– ...и Чарли Бадд, – пришел ей на помощь мистер Тафнелл. – Проходи, Чарли.

Здороваясь, мистер Тафнелл шагнул нам навстречу подмигивая, кланяясь и притрагиваясь к полям своей шляпы. Чарли Бадд участия в этой церемонии не принимал и безучастно стоял рядом с ним. Странная парочка, что и говорить, но самой неожиданной оказалась одна деталь, которую я заметила не сразу.

Мужчина держал юношу на цепи.

Цепь была тонкой, новенькой, блестящей, но ведь цепь – это всегда цепь, правда? Заканчивалась она веревочной петлей на запястьях юноши.

Я мельком взглянула на Локвуда, чтобы понять, заметил ли он цепь. Он ее заметил. И не он один. Джордж застыл на пороге гостиной с подносом в руках. Стоявшая за спиной посетителей Холли отчаянно нам жестикулировала.

Наши клиенты подошли к кофейному столику. Юноша сначала остался стоять, но затем мистер Тафнелл надавил ему на плечо своей волосатой пухлой ладонью, усаживая рядом с собой. Негромко звякнула цепь, после чего повисла тишина.

В этой тишине мы, один за другим, уселись на свои места.

Локвуд прокашлялся, с трудом приходя в себя, и начал:

– Э... доброе утро. Меня зовут Энтони Локвуд... Теперь, мистер Тафнелл, давайте...

– Называйте меня Луи, – перебил его коротышка, снимая с головы свою зеленую шляпу. – Просто старина Луи Тафнелл! Я привык, когда меня называют именно так, без всяких заморочек. Я владелец Театра Тафнелла, а также «Комнаты чудес Тафнелла» и «Удивительной передвижной ярмарки развлечений Тафнелла». Но сейчас я в отчаянии. В моем театре появился злой дух, и это может разорить меня. От театра же все посетители шарахаться будут! – Он преувеличенно, по-актерски вздохнул и вдруг увидел на кофейном столике торт, который поставила туда Холли. – О, это вы мне немножко сладкого к чаю приготовили? Замечательно.

– Вообще-то мы все рассчитывали выпить чаю с этим тортом, – мрачно заметил Джордж.

– Прежде чем мы перейдем к тарту или вашему злому духу, я хотел бы обсудить одну вещь, – поднял руку Локвуд и замолчал, надеясь, что мистер Тафнелл сам догадается какую. Подождав, но ничего не дождавшись, Локвуд продолжил сам: – Видите ли, мы все заметили цепь, на которой...

– Цепь, говорите? – легко откликнулся мистер Тафнелл. – Вот эта цепочка? Так это, видите ли, для безопасности самого Чарли Бадда. Не берите в голову.

– То есть как это? – нахмурился Локвуд. – Но...

– Бедняга Чарли вас не тронет, не беспокойтесь, – заверил мистер Тафнелл, поглаживая юношу по голове свободной рукой. – Он просто не в себе, понимаете? Вот на столе лежит нож для торта, видите? Если бы я не держал Чарли на цепи, он уже схватил бы этот нож и вонзил его себе в сердце. И лежал бы сейчас здесь мертвый, пачкая кровью ваш красивый ковер. Нужно это кому-нибудь?

Мы посмотрели сначала на ковер, затем на нож для торта и, наконец, на молодого парня, который тихо сидел, погруженный в свои мысли.

– Он ударил бы себя ножом? – недоверчиво переспросила я.

– Непременно.

Холли присела на подлокотник кресла, в котором расположился Джордж, и сказала:

– Знаете, мистер Тафнелл, если Чарли... э... болен, его нужно было отвезти к врачу, а не к нам.

– Врач ему не поможет, мисс, – печально покачал седой головой Луи Тафнелл. – Ха! Интересно было бы посмотреть на докторов, которые попытаются ему помочь. Наверное, станут щупать его, слушать своими трубками, пихать всякие лекарства, а из Чарли тем временем будет вытекать жизнь. Еще день-два – и он превратится в труп, и никакой врач ему не поможет. Пустая трата времени и денег эти доктора, вот что я вам скажу. Нет, мисс, нам нужны не доктора, нам нужны вы. Потому мы и пришли сюда.

Повисла пауза. Было слышно, как кипит, стуча крышкой, чайник на кухне.

– Простите, – сказал наконец Локвуд. – Я не очень понимаю, как мы можем помочь вашему юному другу. Сначала вы заявили, что в вашем владении появился призрак...

– Вот этот призрак и навел порчу на Чарли, – перебил его мистер Тафнелл.

Мы все опять уставились на юношу, который продолжал пассивно сидеть, глядя в пустоту невидящими глазами.

– Он пережил призрачный захват? – спросил Джордж.

– Да, – кивнул мистер Тафнелл. – Только это был не физический захват. Хотя близко к тому. Та тварь околдовала Чарли и захватила в плен его сердце, а теперь потихоньку выпивает из него жизнь. Я думаю, что еще одна ночь, от силы две – и он отправится вслед за нею в мир иной. – Впервые за время нашего разговора глаза мистера Тафнелла перестали бегать по сторонам и остановились на Локвуде. – Но если вы уничтожите ее, это, возможно, разорвет силки, и тогда Чарли вернется к жизни. А может, и не вернется, не знаю.

Локвуд выпрямился в кресле, и его лицо приняло решительное выражение. Цепь на Чарли ему явно не нравилась, однако решение он уже принял.

– А теперь давайте все по порядку, – деловым тоном сказал он.

– Думаю, нам всем стоит сначала выпить чаю, – предложила я, вставая.

– Я тоже так считаю, – подхватил Джордж. – Заваривай, а я пока использую этот нож по назначению.

– Замечательно, – сказал мистер Тафнелл. – Я люблю торт. А Чарли ничего не предлагайте, он теперь не ест.

Я отправилась на кухню, возиться с чайником и заваркой. Вернувшись, я увидела, что Джордж уже успел разрезать торт и сейчас с опаской поглядывает на объемистый живот нашего клиента.

Мистер Тафнелл тем временем тоже по очереди рассматривал нас, и я отметила, что дольше всего он задержал свой взгляд на мне и Холли.

– Что ж, – задумчиво сказал мистер Тафнелл, когда я передавала ему чашку. – Вы симпатичные крошки, чистенькие, ладненькие. Пожалуй, я мог бы найти для вас работу, если, например, ваше маленькое агентство вдруг закроется. – Он радушно улыбнулся, показав при этом мелкие неровные зубы. – Два маленьких платьица, немного блесток, сверкающие кисточки в нужных местах – и вас спокойно можно выпускать на сцену.

– Очень интересное предложение, – сказал Локвуд. – Джордж, возьми себе на заметку. Ну а чем мы вам можем помочь, мистер Тафнелл, пока остаемся скромными агентами-парапсихологами?

– Расскажите об этом злом духе, – сухо сказала Холли, с хрустом открывая чистую страницу в своем блокноте. – Как выглядит этот призрак и каким образом он подействовал на вашего бедного юношу.

– Пострадал от этого призрака не только Чарли, – начал мистер Тафнелл, осторожно пристраивая блюдце с куском торта на своем колене. – У нас был и

смертельный случай. Мой театр и ярмарка перестали быть безопасным местом для парней, и все из-за нее. – Он откусил огромный кусок торта и с унылым видом принялся его жевать. – Ладно, постараюсь рассказать покороче. Я занятой человек. Не знаю, как вы, а я не могу позволить себе целый день сидеть тут у вас и баловаться сладостями. Итак, к делу. Наверняка вы слышали об «Удивительной передвижной ярмарке развлечений Тафнелла». Наша семья занимается этим бизнесом уже почти сто лет. Старик Фрэнк Тафнелл исколесил с ней всю страну, но, после того как появилась Проблема, разъезжать стало сложно и опасно, поэтому последние двадцать лет мы безвылазно сидим в Стретфорде, в Восточном Лондоне. Там стоит старый театр «Палас», ему уже лет двести, но он все еще в полном порядке. В нем мы показываем магические шоу и держим «Комнату чудес Тафнелла», а «Удивительная ярмарка Тафнелла» теперь постоянно располагается на площади возле театра. Всего десятка – и вы можете посетить и шоу, и комнату чудес, и ярмарку. Поверьте, ребята, десятка – это совсем не много за удовольствие, которое вы запомните до конца своей жизни! А для детей еще и бесплатный хот-дог по воскресеньям, вот так-то!

– Хорошо, хорошо, – сказал Локвуд, лениво глядя в окно. – Мне кажется, вы что-то там про Гостя говорили. Или Гостью.

– Говорил. По ночам призрак ходит по коридорам театра в виде женщины в плаще. Она выглядит красивой, прекрасной, сияющей, но у нее злое сердце. – Мистер Тафнелл тяжело вздохнул, а затем продолжил: – Одного из моих парней она уже погубила, а Чарли Бадд следующий на очереди. Посмотрит она на какого-нибудь парня – и готово дело: пропал он, ни о чем, кроме нее, думать не может. – Мистер Тафнелл наклонился вперед и сказал, понизив голос до шепота: – Знаете, как они ее зовут? Безжалостная Красавица.

Не успело эхо сказанного шепотом имени растаять в углах нашей гостиной, как сидевший до этого на своей цепи словно каменное изваяние Чарли Бадд вдруг ожил и низко, протяжно застонал. И было что-то в этом стоне такое, отчего вдруг волосы у меня на руках встали дыбом.

Мистер Тафнелл крепче сжал свой конец цепи, но Чарли больше не шевелился.

Какое-то время мы сидели молча, пока Холли негромко не сказала:

– Безжалостная Красавица... Странное имя для призрака. Они ее так и зовут?

– Да, мисс, именно так и зовут.

– Потому что она поразительно красива?

– Нет. Потому что это ее имя. Точнее, псевдоним. Мы знаем, чей это призрак... неужели я не сказал вам об этом? Безжалостная Красавица... Она была актрисой оригинального жанра. Выступала в конце прошлого века. Очень известная была актриса, можно сказать – звезда. Красавица. Но бессердечная. Да вот, сами можете взглянуть. – Он вытащил из жилетного кармана пожелтевший, грязный, сложенный в несколько раз листок бумаги и постарался незаметно передать его нам через стол. – Только, ради бога, сделайте так, чтобы это не увидел Чарли.

Локвуд взял листок и развернул его. Я наклонилась ближе, чтобы лучше рассмотреть, что там такое. Джордж и Холли поднялись со своих мест и встали у нас за плечами.

Это была театральная рекламная листовка, напечатанная черной и золотой краской. На ней была изображена молодая блондинка, томно раскинувшаяся на фоне завитков золотистого дыма. Как она была одета... Ну, это, знаете ли, описать сложно, поскольку на женщине было слишком мало того, что вообще можно назвать одеждой. Полоска шелка, туго облегающая пышные округлости тела... нитка жемчуга... И, как сказал недавно мистер Тафнелл, «сверкающие кисточки в нужных местах». Вид у красавицы был явно «восточным» – пышное ожерелье на шее, густо подведенные брови... Запястья длинных тонких рук женщины украшали браслеты, а ее светлые волосы – тиара, очертания которой терялись в завитках золотистого дыма. Глаза ее были прикрыты и практически полностью исчезали под густо накрашенными ресницами. Голова слегка откинута назад, губы чуть приоткрыты – не поймешь, то ли манит к себе эта женщина, то ли насмехается над всеми, кто восхищается ею, а может быть, то и другое вместе. Ниже, прямо на облачках дыма, четко и крупно напечатано черной краской:

Безжалостная Красавица.

Королева иллюзий в своем знаменитом номере «Мечь Султана».

А внизу листовки мелким шрифтом добавлены адрес театра «Палас» и дата выступления. Семьдесят с лишним лет назад.

Пока мы рассматривали листовку, мистер Тафнелл угостился еще одним куском тминного торта.

– Легендарная была красавица, – заметил он с полным ртом.

– Угу, – рассеянно откликнулся Джордж.

– На мой вкус, полновата, ты не находишь, Люси? – сказала Холли.

– Пожалуй, – согласилась я.

– Говорят, что в жизни эта женщина была очень жестокой и порочной, – проворчал мистер Тафнелл. – Могла одним взглядом привязать к себе любого парня. Это умение перешло и к ее призраку.

– Значит, призрак этой Красавицы появился в вашем театре? – спросил Локвуд, продолжая рассматривать рекламную листовку, которую держал в руках. – Но почему вы так уверены, что это именно она, мистер Тафнелл?

– Да потому, что Безжалостная Красавица нашла свою смерть на сцене этого театра. Она была эскапологистом. Это такой цирковой жанр, знаете ли. Артист, умеющий освобождаться от любых цепей и выходить целым и невредимым из любых опасных ситуаций. На ее выступления, в которых Красавица чудесным образом умудрялась избежать смерти, съезжался посмотреть весь Лондон. Ее самый знаменитый номер указан на листовке, которую вы держите в руках. «Мечь Султана»! Красавицу запирали внутри ящика, похожего на поставленный вертикально гроб, обматывали его цепями, а затем мужчины, исполнявшие роль стражников Султана, начинали протыкать ящик саблями, при этом изнутри слышались дикие вопли. Разумеется, все это был обман, иллюзия. На самом деле Красавица к этому времени успевала выскочить через люк под основанием ящика и уйти под сцену. А когда стражники прекращали колоть ящик саблями, возвращалась в него целой и невредимой. Очень простой, в принципе, трюк. И все шло хорошо вплоть до того рокового вечера...

Тут мистер Тафнелл замолчал, глотая торт, которым был набит его рот. Просто удивительно, как он умудрялся рассказывать, да еще с такой страстью и мелодраматизмом, одновременно приканчивая наш тминный торт. Когда мистер Тафнелл говорил, у него изо рта на наш кофейный столик градом летели крошки.

Затем мистер Тафнелл продолжил свой рассказ, перейдя на шепот:

– Кто-то говорил, что все это было подстроено воздыхателями Красавицы, которых она жестоко отвергла. Другие считали, что это был несчастный случай, потому что сидевший под сценой помощник просто забыл вовремя открыть люк. Но как бы то ни было, в тот вечер Красавице не удалось сбежать под сцену из своего ящика. Когда стражники принялись колоть ящик саблями, она оставалась внутри и ее крики были настоящими.

– Кошмар! – поежилась я. – Представляю, какой шок пережили при этом зрители.

– Сначала никто ничего не понял, – сказал мистер Тафнелл. – Все подумали, что потоки крови – это тоже часть представления. Ну а потом, конечно... – Он глотнул чая из чашки. – Надеюсь, я не слишком вас расстроил.

– Нет, разве что самую малость, – ответил Локвуд, глядя на усыпанный крошками кофейный столик. – Хорошо, вы рассказали нам, как умерла Красавица. А теперь расскажите о ее призраке.

– Понимаю, – кивнул мистер Тафнелл. – После полудня у нас в театре идет представление. Вечерних представлений нет, потому что все зрители должны успеть вернуться домой до захода солнца. Наше представление, знаете ли, строится по традициям старого доброго циркового шоу – на сцене воздушные гимнасты на трапеции, жонглеры, клоуны, акробаты в партере. Большинство моих актеров – это взрослые люди, однако среди рабочих сцены у нас есть несколько молодых парней, которые убирают сцену после представления и готовят ее к завтрашнему дню. Вот двое из этих рабочих и подошли как-то ко мне, сказав, что видели женщину, которая проходила по коридору театра в то время, пока они убирались на сцене. По их словам, это было перед самым закатом. Парни подумали, что это какая-то заблудившаяся зрительница, и пошли, чтобы помочь ей выбраться на улицу, но в коридоре уже никого не было. Спустя еще несколько дней одна уборщица проходила мимо примерок перед

самым закрытием театра и краем глаза увидела, что в одной из них стоит женщина в черном. Уборщица вернулась, но гримерка уже была пуста.

- Довольно мрачная история, – согласился Локвуд. – И что же вы предприняли?

- Да ничего. Мы же не остаемся в театре после наступления сумерек, верно? Все эти происшествия случились до заката. Ну, я и решил, что при дневном свете нам ничего не угрожает, а ночью в театре никого нет... И так продолжалось до тех пор, пока не случилась беда с Чарли и беднягой Сидом Моррисоном... – Мистер Тафнелл в очередной раз вздохнул и провел ладонью по напоминавшим воронье гнездо седым волосам.

- Что же случилось с Чарли, мистер Тафнелл?

- Это произошло ранним вечером, три дня назад, – ответил наш клиент. – На улице уже начали включаться призраки-лампы. Наша помощница режиссера Сара Перкинс забыла за кулисами свой плащ. Вернувшись за ним, она увидела Чарли Бадда, он шел по ведущему на сцену коридору, смотрел в пустоту невидящими глазами и улыбался. Одним словом, выглядел так, будто он не в себе. В дальнем конце коридора Сара заметила женщину, следом за которой шел Чарли. Сара утверждает, что та женщина была вся черная, как кусок тьмы, хотя в коридоре, да и во всем театре еще горел свет... Так вот, Чарли шел за той черной женщиной как на привязи. – Мистер Тафнелл многозначительно посмотрел на нас, глухо кашлянул и продолжил: – Ну, Сара проявила себя молодцом. Не теряя времени, она догнала Чарли, поставила ему подножку и повалила на пол. В этот момент Сара увидела, как в том конце коридора, где маячила черная фигура, что-то вспыхнуло, потом во всем театре погас свет, а через пару секунд все лампы снова зажглись... Черная женщина исчезла, словно испарилась, а Чарли с той поры находится в том состоянии, в каком вы его видите.

- Она очень храбрая женщина, эта ваша помощница режиссера, – заметила я.

- Да, Сара у нас девушка крепкая и решительная, вроде вас, дорогуша. И совершенно не похожа на вашу вторую юную леди, такую хрупкую и робкую. – Тут он перевел взгляд на Холли и улыбнулся, снова показав свои некрасивые зубы.

- Мы с Люси обе способны постоять за себя, – предупредила Холли.

– Ну хорошо, давайте не будем отвлекаться, – сказал Локвуд. – Итак, эта тварь поставила Чарли на грань между жизнью и смертью. А что произошло с беднягой Сидом Моррисоном?

Мистер Тафнелл сгорбился и опустил голову.

– Сид был ассистентом нашего фокусника, – грустно начал он. – Вчера поздно вечером он находился на сцене, готовил реквизит к сегодняшнему представлению. Одна из наших девушек, Трейси, была в это время в зрительном зале, подметала пол в партере. Внезапно она почувствовала холод, подняла голову и увидела, что Сид не один. Рядом с ним была женщина. Она стояла, повернувшись в сторону зала, но Трейси не могла рассмотреть ее лица – оно казалось погруженным в густую тень. И это при том, что во всем театре горели лампы. Затем Трейси увидела, что женщина скользнула за кулисы. Не ушла, а именно скользнула словно по воздуху, причем уплыла за кулисы спиной вперед, даже не повернувшись. А Сид ушел следом за ней. Не побежал, а ушел, правда не останавливаясь, ровными шагами и исчез за кулисами.

– А эта девушка, Трейси, не пыталась окликнуть или остановить его? – спросила я.

– Говорит, что хотела окликнуть, но почему-то не могла ни говорить, ни шевельнуться. Отпустило ее только после того, как Сид скрылся за кулисами. Тогда Трейси поднялась по боковой лесенке на сцену и побежала в кулисы... То, что она там увидела, настолько неприятно, что я...

– Продолжайте, продолжайте, – сказала Холли. – Нам доводилось иметь дело с сотнями призраков, так что мы всякого насмотрелись. Рассказывайте, не стесняйтесь.

Это замечание мистер Тафнелл принял вполне смиренно и негромко продолжил:

– Прибежав в кулисы, Трейси вновь увидела Сида и ту женщину. Ей показалось, что они обнимаются, во всяком случае женщина обхватила Сида руками, а лицо уткнула ему в шею. Трейси испугалась – она заметила, что крепыш и силач Сид выглядит в руках той женщины обмякшим и вялым. Затем женщина отпрянула – Трейси утверждает, что при этом ее руки просто прошли сквозь Сида, – и наш

парень свалился на пол словно кучка ветоши. Когда Трейси подбежала к нему, он был уже мертв, а на его побелевшем лице застыла жуткая улыбка.

– А та призрачная женщина? – спросил Локвуд, барабаня по колену кончиками пальцев.

– Исчезла еще до того, как Сид замертво свалился на пол.

– Долго вы к нам собирались прийти, мистер Тафнелл, непростительно долго. Вы должны были это сделать сразу же после того, как Чарли едва остался в живых, и...

– Знаю, – ответил мистер Тафнелл, продолжая с недовольным видом рассматривать свои руки. – Знаю. Просто если бы поползли слухи о том, что в театре завелся призрак... На наши представления никто больше бы не пришел, понимаете?

– Уж лучше лишиться зрителей, чем ждать новых смертей, – заметила Холли.

– А что он за парень, этот ваш Чарли? – после недолгого молчания спросил Джордж. – Я имею в виду, когда он в своем уме.

– Тихий. Нездоровый. У него больные легкие, поэтому он не может делать тяжелую работу. Мало кто согласился бы приютить его у себя в доме. Но я не такой, я щедрая душа. Дал ему и кров и работу.

– Сид тоже был болезненным?

– Нет, совсем нет. Крепкий, здоровый, полный жизни. Престидижитатор.

Все помолчали, потом Локвуд сказал:

– Ну да. Вот, значит, как... Интересно.

– Вы что, не знаете, кто такой престидижитатор?

– Если честно, не имею ни малейшего представления.

– Ну, он был фокусник... Ловкость рук и все такое... Хотя Сид считался лишь учеником и ассистентом нашего циркового мага, он уже работал со зрителями самостоятельно, причем в тесном контакте с ними, а это очень сложно. Что он делал? Вынимал куриные яйца из ушей леди, рвал двадцатифунтовые банкноты, а затем вытаскивал их целехонькими из рукавов у джентльменов – и все это быстро, ловко, гладко, с шутками-прибаутками. Короче, разогревал толпу перед представлением. Все было как нельзя лучше, но потом Сид влюбился в одну русскую гимнастку на трапеции.

– Влюбился, и что? Какие проблемы?

– Она не ответила на его чувства. Я пытался убедить ее быть с ним поласковее, потому что это в наших общих интересах, но она пропустила мои слова мимо ушей. А Сид страдал от несчастной любви. Часами бродил под окнами ее вагончика. Перестал спать. Перестал есть. Работа у него пошла вкривь и вкось, он начал ронять яйца, монеты, карты у него стали разлетаться в разные стороны. Кошмар. Если бы Сид не умер, мне, наверное, пришлось бы его уволить.

– Можно сказать, что он избавил вас от проблем, – сказал Локвуд, продолжая барабанить пальцами по колену. – Эта русская гимнастка на трапеции – как ее зовут?

– Кэрол Блеарз.

– Мягко говоря, не очень русское имя.

– Русской у нее была бабушка по материнской линии. Во всяком случае, так она говорит. Впрочем, какое мне дело до ее бабушки? У Кэрол такие мощные бедра, что она может на три метра швырнуть по воздуху взрослого мужчину-гимнаста, и мне этого вполне достаточно. Послушайте, друзья, тут остался последний кусочек торта. Не возражаете, если я его возьму? – И, не обращая внимания на отчаянный вздох Джорджа, мистер Тафнелл взял последний кусок тминного торта с опустевшего блюда. – Ну как, сможете мне помочь? Я имею в виду – возьметесь избавить меня от призрака, который убил Сиду, а теперь может еще распугать и всех моих зрителей?

– Как давно все это началось, мистер Тафнелл? – спросил Локвуд, глядя в потолок.

– Что вы имеете в виду – роман Сида с русской гимнасткой или призрака?

– Призрака.

– Недели две, может быть, три.

– Ясно. А кто еще видел призрака, кроме Чарли Бадда, Сида и тех двух женщин, о которых вы упомянули?

– Кто-то из билетерш, наша гримерша Ванесса и, кажется, девушка, которая торгует мороженым.

– И все они уцелели?

– Да, они выжили, но до сих пор дрожат от ужаса. У Ванессы даже волосы поседели.

– Иными словами, жертвами Безжалостной Красавицы становятся только мужчины? – спросила Холли.

– Никто из мужчин не может устоять перед ее чарами, – кивнул мистер Тафнелл. – И когда она была жива, и после ее смерти тоже. На вашем месте я бы постарался быть как можно осторожнее, мистер Локвуд. Да и вашему парню помнить об этом тоже не мешает.

– Ну, думаю, что мы с Джорджем сумеем устоять перед ее чарами. Верно, Джордж? Хорошо, мистер Тафнелл, мы придем взглянуть, что там у вас такое. Дайте нам двадцать четыре часа – и мы расследуем этот случай. Как вы думаете, столько времени продержится Чарли?

Наш клиент взглянул на прикованного к нему парня, который продолжал неподвижно сидеть, уставившись перед собой пустыми глазами.

– Хочу надеяться, что сутки протянет, – пожал плечами мистер Тафнелл. – Но больше вряд ли, так что не затягивайте с этим делом, мистер Локвуд, хорошо?

Я была рада, что наши клиенты уходят. Один из них мне не нравился, второй вызывал жалость. Короче говоря, их присутствие меня раздражало. Я повела их к выходу.

Открыв входную дверь, я отступила в сторону. Мистер Тафнелл поклонился мне и на мгновение ослабил сжатый в руке конец цепи. В тот же миг Чарли Бадд резко рванулся в сторону, выдернул цепь из руки мистера Тафнелла и отлетел к стене, рядом с которой стояла подставка для зонтов и рапир. Связанными веревочной петлей руками Чарли выхватил из нее рапиру Локвуда – в ярких лучах утреннего солнца блеснула сталь – и повалился вперед, пытаясь насадить себя на клинок наподобие самурая, который делает себе харакири. Но руки у Чарли оказались слишком короткими, а клинок слишком длинным. Кончик лезвия ткнулся в кожаный ремень Чарли и там застрял.

Пока Чарли пытался освободить клинок, я уже успела упасть сверху и прижать лезвие рапир к полу, а мистер Тафнелл натянул цепь и схватил юношу за руку. Чарли сопротивлялся яростно, отчаянно, с неожиданной силой. Покатившись с ним в обнимку, мы сначала столкнулись с вешалкой, а затем врезались в столик для ключей. За все это время Чарли, не проронив ни звука, продолжал бороться, глядя мне прямо в глаза. Но тут мистер Тафнелл крепко приложил Чарли по голове, и я вырвала рапиру из его рук.

И Чарли Бадд вновь стал безразличным ко всему, словно кто-то щелкнул невидимым выключателем. Его лицо опять сделалось неподвижным и ничего не выражающим. Он уже не сопротивлялся и позволил вывести себя за дверь, на солнце.

– Прошу прощения, – сказал мне мистер Тафнелл, обернувшись перед тем, как выйти из наших ворот на улицу. – Теперь-то вы видите, что у меня надежда только на вас? Уничтожьте призрак – и у Чарли появится шанс выжить. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы помочь нам.

С этими словами он приподнял свободной рукой свою потрепанную зеленую шляпу, другой рукой натянул цепь и ушел, ведя на ней по улице своего парня.

Если мистер Тафнелл с его театральной напыщенностью и скользкими увертками оставил нас совершенно равнодушными к нему, то бедственное состояние Чарли Бадда всех потрясло по-настоящему. По словам Локвуда, который был лучшим среди нас экспертом в таких делах, это был редкий случай бесконтактного захвата.

– В принципе, это похоже на призрачный захват, – сказал Локвуд, – только в этом случае призрак захватывает не тело человека, а его сознание. Жертва теряет волю, желание жить и постепенно сама, шаг за шагом, приближает себя к смерти. Тафнелл прав: только уничтожив призрака, можно разорвать эту гибельную связь, только так.

– Бедный парень, – вздохнула Холли, прибиравшаяся в гостиной после ухода наших гостей. – Как ужасно самому желать себе смерти!

– А вы видели, какое у него неподвижное, окаменевшее лицо? – спросил Джордж. – Жуть.

– И глаза совершенно пустые, – добавила я. – Даже когда мы с ним боролись, в них ничего не было.

– Все это подтверждает, что напавший на Чарли призрак относится к очень редкому и опасному виду, – сказал Локвуд. – А это значит, что я и сам не выйду на встречу с ним, и вас не пущу без тщательной подготовки. Джордж, постарайся по-быстрому разузнать в архиве об этой эскадроп... эскалоп... Одним словом, об этой циркачке. А я закажу недостающее снаряжение – сами знаете, почти половину всего, что было, мы оставили вчера в мавзолее.

– Эх, сколько дел-то на меня навалилось, – хмыкнул Джордж. – Марисса, Проблема, а теперь еще и эта Безжалостная Красавица. М-да... Локвуд, я, пожалуй, пойду уже, только сначала покажу, что я нашел, когда разбирал оставшийся после твоих родителей ящик. Не возражаете?

Мы поднялись вслед за Джорджем на второй этаж. Это было место, куда инспекторы ДЕПИК, проверив, чем мы занимаемся в подвальном офисе, никогда не додумывались заглянуть. Для нас это была большая удача, потому что здесь, наверху, находилась наша маленькая Страна чудес. Точнее, Страна мрачных чудес, полная вещей, опасных для физического и психического здоровья человека, который сюда попадал. Нет-нет, что вы, я говорю вовсе не о спальне Джорджа! Я имею в виду другую, расположенную на том же этаже комнату. Это была спальня сестры Локвуда Джессики, в которой она умерла. Здесь до сих пор сохранилось ее безвредное, но пугающее на вид посмертное свечение. Оно висело над кроватью Джессики с полосатым матрасом, а вдоль стен теснились деревянные ящики с выцветшими от времени таможенными наклейками, разрешающими вывоз багажа. Разрешения эти были выданы в самых разных и зачастую очень экзотических странах. А еще в комнате был расчищен кусок пола и на нем выложен круг из железных цепей, а внутри отобранные из ящиков предметы – довольно странные, замечу я.

Там были маски в виде диких животных и ужасных духов, две недавно обнаруженные накидки (одна покрытая перьями, а вторая свалевшимся линялым мехом), страшные на вид конструкции из костей, жил какого-то животного и бус (Локвуд сказал, что это ловушки для злых духов с острова Ява) и глиняные горшки и кувшины, запечатанные свинцом и залитые воском. С этими сосудами мы обращались с особой осторожностью, помня, что именно из такого случайно разбившегося горшка выскочил злой дух, убивший Джессику Локвуд. И случилось это семь лет назад.

Это были редкостные, опасные и очень ценные трофеи. Потусторонники – поклонники культа мертвых, марширующие в своих дорогих твидовых костюмах по Трафальгарской площади с плакатами в руках, – как один пали бы на колени перед нашей коллекцией загадочных диковин. Любому исследователю из лабораторий «Фиттис» за возможность покопаться в ней заложил бы свою родную бабушку. Старьевщики со всего Лондона рвали бы друг другу глотки, чтобы завладеть этими предметами (слава богу, что им ничего о них не известно!). Инспектор Барнс из ДЕПИК? Ну, он просто пригладил бы свои усы, а потом арестовал бы всех нас и конфисковал добычу родителей Локвуда. Надеюсь, вам не нужно теперь объяснять, почему мы держали эту коллекцию в тайне и знали о ней, кроме нас самих, только Киппс и Фло.

Мы встали в дверях спальни Джессики, а Джордж прошел внутрь и сказал, указывая рукой на выстроенные в ряд внутри цепей пыльные бутылки из

зеленого стекла:

– Вот что я вчера нашел. Бутылки – ловушки для злых духов. Шаман бросал в бутылку Источник – как правило, это был кусочек кости нежеланного или опасного предка, – дух нырял в бутылку следом за Источником, шаман быстро затыкал пробку – и готово! Злой дух пойман. А чтобы он не выскочил наружу, вся внутренность бутылки покрывалась расплавленным железом.

– Что-то вроде банки с нашим черепом, да? – кивнул Локвуд.

– Абсолютно верно, – подтвердил Джордж. – Правда, я отдал бы предпочтение этим бутылкам, потому что сквозь них не видно, кто там спрятан. И знаешь, Локвуд, я начинаю приходить к выводу, что все, что привозили из своих экспедиций твои родители, имело самое прямое отношение к парапсихологии и связям с потусторонним миром. Даже те штуковины на полках внизу, в холле. Твои родители были очень хорошими исследователями, думаю, мы нашли бы с ними общий язык.

– Уверен, что нашли бы, – сказал Локвуд.

Я посмотрела на его лицо. Как всегда, когда речь заходила о его семье, оно становилось непроницаемо спокойным, но при этом его взгляд ненадолго мутнел, и мне казалось, что Локвуд в это время погружается в прошлое.

Селия и Дональд Локвуды были исследователями, изучавшими мифы и традиции народов мира, связанные с верой в существование злых духов и других потусторонних сил. Путешествуя по далеким и экзотическим уголкам нашей планеты, они привозили домой не только записи и фотографии, но и предметы, считавшиеся у этих народов магическими. Эти предметы прибывали к ним домой в больших деревянных ящиках. Часть предметов нашла свое место на полках в доме 35 на Портленд-Роу, но большинство ящиков до недавних пор оставались не распакованными, поскольку прибыли уже после внезапной смерти родителей Локвуда.

Когда мы стали распаковывать эти ящики, то нашли в них две удивительные перьевые накидки. Их надевали на себя индонезийские шаманы, отправляясь беседовать с мертвыми предками. Чуть позже мы с Локвудом смогли убедиться в том, что эти накидки действительно оберегают живого человека от злых духов.

Они защитили и сохранили нас во время путешествия по ледяным тропинкам Другой Стороны. Без этих накидок мы с Локвудом давно бы уже были мертвы. К сожалению, одна из них порвалась и пропала; вторая уцелела и хранилась сейчас в подвальной кладовке, рядом с нашими запасами кока-колы, бобов и чипсов.

– Тут вот такая штука, – продолжил Джордж. – Половина этих бутылок треснула, поэтому, как вы сами понимаете, обращаться с ними нужно со всей осторожностью. – Тут он посмотрел на Локвуда. – Конечно, если ты хочешь, мы можем отправить их в Клеркенвелл, в печи. Кто знает, может, безопаснее всего именно так и поступить.

– Нет... – ответил Локвуд. – Эти бутылки могут оказаться полезными для нас. А пока они лежат внутри цепей, угрозы от них никакой.

– Хорошо, – согласился Джордж. – Только старайтесь держаться подальше от них, это мой вам всем совет. Одна бутылка – еще куда ни шло, но когда они собраны вместе... Представляете, что будет, если из них одновременно выскочит целая банда злых духов?

– Представляю... – пробормотал Локвуд, глядя на пятно посмертного свечения, много лет висящее над кроватью его покойной сестры. Потом он выключил свет и закрыл дверь.

* * *

В тот вечер мы были свободны от вызовов, и это оказалось как нельзя кстати, чтобы как можно лучше подготовиться к расследованию дела Безжалостной Красавицы, запланированного на завтра. Днем мы с Холли занимались бумажной работой, заполняя отчеты о наших последних расследованиях. Локвуд позвонил в магазин Маллета и заказал у него новые рапиры и цепи. При этом выглядел Локвуд более тихим и подавленным, чем обычно. Я подумала, что так на него подействовало посещение спальни Джессики. Джордж еще днем ушел на розыски в архивы и до сих пор не возвращался. Когда подошло время обеда, я быстро разогрела готовое жаркое в коробках (старые запасы Джорджа из холодильника), и мы наскоро перекусили прямо в офисе.

Позже я прибиралась на кухне, когда в дверь заглянул Локвуд. Джордж еще не вернулся из архивов, Холли уже отправилась к себе домой, и в доме на Портленд-Роу мы с Локвудом были сейчас одни.

- Я собираюсь выйти, Люси, - сказал Локвуд. - Хотел спросить, не пойдешь ли ты вместе со мной.

- По делу?

- Вроде того.

- Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

- Ну, если у тебя нет более важных дел.

Более важных дел у меня не было. Через несколько секунд я была готова и спросила:

- Рюкзак взять? Если что - это минутное дело.

- Не стоит, рапиры будет достаточно. Я тоже возьму свою старенькую рапиру.

Старенькую рапиру, ага. Следовательно, призрак, с которым нам, возможно, предстоит иметь дело, обещает быть не слишком сильным. Мы вышли из дома на Портленд-Роу.

- Далеко идти? - спросила я.

- Нет, не далеко.

В начинающихся сумерках мы прошли пару кварталов на восток, а затем повернули на север, в сторону Мэрилебон-роуд. Я подумала, что мы, скорее всего, возьмем там на стоянке такси, но, не дойдя до перекрестка, Локвуд остановился перед заржавевшей железной оградой, окружавшей кладбище Мэрилебон.

– Здесь? – спросила я. Это было маленькое старое кладбище, густо засыпанное солью и надежно огражденное железом.

– Да.

– Не слышала, чтобы здесь возникали какие-то проблемы.

– Если поставишь ботинок прямо в заросли плюща за твоей спиной, то наткнешься на столбик, на который удобно встать, – слабо улыбнулся мне Локвуд. – Оттуда можно легко достать руками до верхнего края ограды и подтянуться. За железной оградой скрывается широкая каменная стена. Смотри – показываю.

Секунда-другая – и Локвуд уже был по ту сторону железной ограды, стоял, пригнувшись, словно большой черный кот.

– Сумеешь повторить, как ты думаешь? Ты, главное, дотянись до верхнего края ограды, а дальше я тебе помогу, если что.

Я гордо фыркнула в ответ. Может быть, конечно, я не такая сильная, как он, и не такая ловкая, и даже пару раз выругалась себе под нос, пока залезла на железный забор, но не настолько уж неуклюжая, чтобы мне помогать. Одним словом, спустя недолгое время я уже стояла на каменной стене рядом с Локвудом, метрах в трех над землей, оглядывая густо заросшее зеленью кладбище.

Как я уже сказала, мы с Локвудом стояли на каменной стене, изначально ограждающей кладбище и позднее обнесенной снаружи железной оградой. Справа от нас тускло светили фонари на Мэрилебон-роуд. Внизу раскинулось царство тишины и теней. Это было старинное городское кладбище – каждый клочок земли здесь стоил огромных денег, а могильные надгробия стояли так тесно, что едва не касались друг друга. Картина, в общем-то, характерная для всех немногих кладбищ, сохранившихся в черте города. Кладбище выглядело неухоженным, заброшенным, мраморные плиты, урны и плачущие ангелы тонули в разросшихся кустах ежевики и казались лодками, плывущими по бурному зеленому морю. По внутренней стороне кладбищенской стены тянул свои побеги плющ. Из густых травянистых зарослей местами поднимались обвитые плющом тисовые деревья, похожие на желтые оплывающие свечи. Было совершенно

очевидно, что уже довольно длительное время это кладбище остается заброшенным.

А в целом это был тихий, навевающий меланхолию зеленый уголок, в котором не чувствовалось ни малейшей опасности. Однако первая заповедь агента – никогда не терять бдительности, и поэтому я спросила, положив руку на эфес рапиры:

– Что за Гость нас ждет?

Налетел свежий ветерок, вскинул полы длинного пальто Локвуда, начал перебирать их. На мой вопрос Локвуд не ответил, возможно, не услышал его, занятый своими мыслями.

– Спуститься вниз совсем не сложно, – сказал он. – Стена в этом месте слегка осыпалась и стала почти как лестница, нужно только следить, чтобы не поскользнуться. Пойдем?

– Локвуд, – спросила я, спускаясь следом за ним по выщербленной стене, – откуда ты все это знаешь?

– Я уже бывал здесь раньше, – ответил он и после того, как я спрыгнула на землю и оказалась в траве по грудь, кивнул: – А теперь вот сюда.

И он повел меня вперед по едва заметной, похожей на звериную тропку дорожке, петляющей между надгробиями.

Я шла за Локвудом, ни о чем не спрашивая, пробираясь в высокой траве, внимательно поглядывая по сторонам, чтобы избежать столкновения с колючими кустами ежевики. Вскоре дорожка вывела нас на крохотную полянку, где трава и плющ были скошены клинком рапиры.

В центре полянки стояли два надгробия, на которых сейчас играли последние лучи закатного солнца. Оба были из серого камня, современной угловатой формы, не запачканные дождем и грязью. Простые, строгие камни. Одно из них, то, что слева, по размеру было больше второго. На нем под вырезанным портретом красивой женщины с печальным лицом четкими буквами была выбита

надпись.

Селия Локвуд

Дональд Локвуд

Знание делает нас свободными

На втором камне было выбито всего два слова —

Джессика Локвуд

Я открыла рот, хотела что-нибудь сказать, но не смогла произнести ни слова. Сердце грохотало у меня в ушах, голова кружилась. Я стояла и молча смотрела на могильные камни.

– Иногда я спрашиваю себя, Люси: для чего все это? – сказал Локвуд. – Почему мы делаем то, что делаем? Взять хотя бы нашу последнюю ночь – почему мы рискнули пройти через все это? Или Тафнелл... Почему мы сидели и терпеливо слушали, что несет этот неотесанный цирковой болван? Вот, Люси, какие мысли иногда лезут мне в голову, и когда такое случается, я прихожу сюда.

Я посмотрела на Локвуда. Он стоял рядом со мной в густеющих сумерках, почти все его лицо скрывал высоко поднятый воротник пальто. Мне давно хотелось узнать, где похоронена его семья, но я никогда не решалась спросить об этом. А сегодня он сам привел меня на это священное для него место, и я, помимо печали и сочувствия к Локвуду, подспудно испытывала от этого жгучую радость.

– Вот что такое Проблема, – продолжил Локвуд. – Вот что она делает. Обрываются жизни, те, кого мы любим, уходят от нас раньше срока. А когда они уходят, мы прячем своих мертвецов за железными оградами, оставляем одних

среди колючих кустов, плюща и травы – и тогда мы теряем их во второй раз. Смерть – не самое страшное на свете, Люси. Забвение куда страшнее.

На дальнем краю лужайки виднелся чей-то старый, повалившийся почти горизонтально могильный камень. Подойдя к нему, Локвуд сел, скрестив ноги и едва не касаясь спиной разросшегося куста ежевики. Его темная одежда почти сливалась с окружающими тенями, его улыбка слабо светилась в полумраке.

– Я всегда присаживаюсь на этот камень, – сказал Локвуд. – Того, кто под ним лежит, при жизни звали Дерек Томпкинс-Бонд. Мне кажется, он не возражает против того, что я здесь сижу. Во всяком случае, ни разу не вылез из могилы, чтобы прогнать меня. – Он похлопал ладонью по камню и позвал: – Иди присядь рядом со мной, если хочешь. Только смотри не споткнись вот здесь.

Вовремя сказала – я едва не налетела на железный прут, горизонтально идущий над землей на уровне моей лодыжки. Я знала, что такими прутьями отмечают границу могильного участка. Раньше я не обращала на это внимания, но теперь ясно увидела семейную могилу Локвудов. А еще я заметила, что надгробие родителей Локвуда было установлено в середине участка, справа от него стояло надгробие Джессики, а слева... Слева оставалось пустое место.

Я устала на этот заросший травой клочок земли, и на какое-то время весь мир вокруг меня перестал существовать – я перестала слышать свое сердце, и шум ветра, и шелест листвы, и гул ночных такси, пролетающих по Мэрилебон-роуд.

Я стояла и смотрела на ничем не приметный с виду клочок земли. На пустую, терпеливо ожидающую своего жильца могилу.

Потребовалось какое-то время, чтобы до меня дошел голос Локвуда, который продолжал говорить:

– ...к тому времени, когда умерла моя сестра, кладбище в целях безопасности успели закрыть. Пришлось столкнуться с определенными трудностями, но, поскольку здесь уже имелся наш семейный участок, городские власти решили уважить последнюю волю покойных, пожелавших лежать рядом.

Мы оба знали, почему власти пошли на этот шаг. Пусть мертвые будут довольны тем, что лежат вместе. Счастливому мертвецу незачем возвращаться в мир живых, верно?

Я перешагнула через прут, прошла по траве и села рядом с Локвудом.

– Это правильно, когда родные люди похоронены вместе, ты согласна, Люси? – сказал он. – И я не чувствую себя одиноким, когда прихожу сюда.

Я кивнула, глядя на неровно скошенную на могильном участке траву, на яростно вырубленные клинком кусты. Наконец ко мне вернулась способность говорить, и я сказала:

– Спасибо, что привел меня сюда.

– Все в порядке.

Какое-то время мы просидели на камне, тесно прижавшись друг к другу плечами. Наконец я решилась.

– Ты никогда не рассказывал мне, как это случилось, – сказала я.

– Как погибли мои родители? – Локвуд вдруг замолчал – так надолго, что я уже подумала, что он опять, как всегда, ничего не скажет. Но он заговорил, негромко и печально: – Довольно странно, и это случилось совсем неподалеку отсюда.

– Как? В Мэрилебоне?

– Да, на Юстон-роуд. В подземном туннеле – знаешь, где это?

– Ты никогда не говорил мне об этом.

Этот туннель был коротким, уродливым, с шершавыми бетонными стенами. Его построили для того, чтобы избежать пересечения Юстон-роуд с другой, тоже загруженной, улицей. Мы с Локвудом часто проезжали по этому туннелю на ночных такси, но он никогда ни словом, ни полусловом не намекнул мне, что это за место.

– Значит, это была автокатастрофа? – спросила я.

Локвуд подтянул вверх одно колено, обхватил его руками.

– Да, причем очень... эффектная катастрофа, если можно так сказать, – ответил он. – Я был тогда еще совсем маленьким. Родители отправились в Манчестер, где должны были прочитать важную для них лекцию – она стала бы отчетом об их многолетней работе. Итогом их путешествий, исследований, открытий. Но им не суждено было доехать до железнодорожной станции. В туннеле их машину протаранил тяжелый грузовик. Разлился и тут же вспыхнул бензин. Пожарным потребовалось больше часа, чтобы погасить огонь. Пламя было таким сильным, что потом пришлось заменять часть расплавившегося дорожного покрытия.

– Господи боже, Локвуд... – я нашла в темноте его руку и сжала ее.

– Ничего, все в порядке. Это же было давно. Я почти не помню своих родителей, – слабо улыбнулся мне Локвуд. – Странно, конечно, но иногда меня больше всего огорчает, что в том огне сгорела без следа их лекция. До чего же мне хотелось бы прочитать ее! Как бы там ни было, я помню ту ночь. Я стоял у окна твоей нынешней комнаты в мансарде и видел, как по Портленд-Роу одна за другой подъезжают бронированные машины с красно-синими мигалками на крышах. Возле нашего крыльца стояли Джессика и моя няня, и они разговаривали с оперативниками в темно-серых куртках агентства «Фиттис». Случайное совпадение, скорее всего.

Повисла долгая пауза. Вокруг нас стремительно сгущался мрак. Отдельных листьев уже не стало видно, они слились в общую темную массу. Мы с Локвудом продолжали держаться за руки. Я молчала, а Локвуд спустя какое-то время вновь заговорил:

– Вот тогда они и рассказали обо всем Джессике, а мне никто ни о чем не говорил до следующего утра. Глупо! Ведь я стоял на верхней лестничной площадке и все слышал. Даже вдвойне глупо, потому что я узнал обо всем еще несколько часов назад, когда увидел в саду Тени своих родителей.

Я не удивилась. Об этом Локвуд однажды уже рассказал мне. Тени родителей были первыми призраками, с которыми он встретился в своей жизни.

– Тогда, в саду, ты уже знал, что они мертвы?

– Не совсем. Разве что где-то в глубине души. Но позднее выяснилось, что я увидел их точно в момент катастрофы... Вот так все это случилось. Историю моей сестры ты уже знаешь. А теперь остался только я... – Тут Локвуд встряхнулся, энергично спрыгнул с могильного камня и сказал: – Ну все, хватит. Что толку говорить об этом. Поздно уже, пора идти.

Я глубоко втянула в себя воздух. Моя голова была набита воспоминаниями Локвуда так же густо, как заросло травой и плющом это кладбище. Такое состояние очень напоминало те ощущения, которые я испытывала во время расследований, когда с помощью своего Дара улавливала парапсихологические отголоски прошлого. Это не были эмоции, полученные из вторых рук, нет. Я все воспринимала так, словно это происходило со мной. Медленно приходя в себя, я поднялась на ноги и сказала:

– Мне очень жаль, Локвуд. Это так ужасно...

– Ничего уже не изменишь, – нахмурился он, глядя в темноту. Настроение у Локвуда, как это часто бывало, резко изменилось – он занервничал, и его уже подмывало как можно скорее уйти отсюда.

– Я рада, что ты привел меня сюда. И спасибо, что ты мне все рассказал.

– Я тоже был рад поделиться с тобой, Люси. Хотя все, о чем я рассказал, лишь подчеркивает случайность всего, что происходит в этом мире. Призрак убил мою сестру. Почему ее, а не меня? Мои родители погибли в автокатастрофе. Почему они, а не я? Поверь, я долго искал ответ на эти вопросы, но так и не нашел. Думаю, что по большому счету все это не имеет значения. – Он отвернулся в сторону, и его лицо скрылось от меня. – В конце концов, все мы приходим в этот мир лишь на короткое время. Пока мы живы, наш удел сражаться и пытаться принести хоть какую-то пользу другим. Кстати, о сражениях и пользе. Завтра нам предстоит встреча с поселившимся в театре призраком. Время уже позднее, нужно возвращаться домой.

– Пока мы живы? – переспросила я.

Но Локвуд уже успел уйти вперед и затеряться среди густой зелени, только его рапира тускло поблескивала в полумраке. Потом знакомый звонкий голос окликнул меня:

- Ты идешь, Люси?

- Конечно иду! - отозвалась я, хотя в тот момент еще продолжала смотреть на ожидающую своего обитателя могилу.

7

- Как вчера прогулялись с Локвудом? Хорошо?

Наступило утро следующего дня, и я была первой, кто пришел на кухню. Весь вчерашний день банка с призраком простояла на столе с опущенным рычажком, а на призывные ухмылки призрачного лица я не отвечала - сейчас не до разговоров с черепом мне было, других дел хватало. Если честно, мне было немного стыдно, что я так неучтиво обошлась вчера с обитателем банки, и я сразу же повернула «переговорный» рычажок, после чего поставила чайник и взяла свою любимую кружку. Хотите верьте, хотите нет, но если вы собрались поболтать перед завтраком с вашим домашним говорящим черепом, без кружки со свежесваренным чаем вам никак не обойтись.

- Ага, - ответила я. - Нормально. А почему это тебя так волнует?

Со вчерашнего вечера я не переставала думать о Локвуде, о том, что он доверился мне (что было очень хорошо), и о том, каким ударом стала для него потеря всей семьи (что, безусловно, совсем не хорошо, даже ужасно). Думала о том, как эта потеря побудила Локвуда с безрассудной отвагой броситься на борьбу с Проблемой. И о том, чем, скорее всего, закончится эта борьба, я тоже думала, в результате чего почти всю ночь проворочалась без сна.

- Да нет, я так, ничего... Просто видел, как вы вчера вместе уходили куда-то, вот мне и стало интересно.

– Все шпионишь за нами, подсматриваешь, да? Поискал бы себе другое хобби. – Я старалась выглядеть одновременно твердой, абсолютно незаинтересованной и в меру язвительной. – Впрочем, мне-то что до этого? Мы с Локвудом ходили на расследование.

– О, так вы были на расследовании! – с серьезным видом кивнуло подвешенное в банке зеленоватое лицо.

– Совершенно верно.

– Ладно. Поверим, – невозмутимо взглянул на меня череп. – Давай поговорим еще о чем-нибудь.

Я замялась, потом сказала, прокашлявшись:

– Э... Ну-у... Вот...

– Если ты ищешь чистую чайную ложку, вон там лежит одна, возле раковины.

– Спасибо.

Я открыла холодильник, чтобы достать молоко. Когда же я закрыла дверцу, лицо в банке вдруг скорчило такую рожу, что я едва не выронила молочную бутылку. Глаза призрака бешено вращались в противоположных направлениях, как у хамелеона. Ноздри его раздувались, рот открылся и перекосился от ужаса.

– О-о! Я чувствую запах паленого! Что-то горит... Постой-постой, да это же горят твои трусики! Они загорелись от твоей лжи! Обманщица! Ни на каком расследовании вы с Локвудом не были, вот так-то!

– Мы с Локвудом были на кладбище.

– На кладбище?! – загоготал-забулькал череп. – Все, ни слова больше! По своему опыту знаю, чем люди на кладбищах занимаются. Поверь, они не только призраков там ловят! – Он перестал булькать и многозначительно мерзко подмигнул мне. Гадина!

– Не понимаю, о чем ты, – надменно сказала я, чувствуя, как начинают гореть щеки.

– Ага! Покраснела! Так и знал, что я прав! – понимающе ухмыльнулось призрачное лицо. – И не вешай мне лапшу на уши, что вы сражались на том кладбище с призраками. Вы даже снаряжения никакого с собой не взяли!

Вот шпион! Вот ищейка!

– У нас были с собой рапиры.

– А то я не разберу, есть на клинке следы эктоплазмы или нет. Так что вы с Локвудом ходили, чтобы почирикать в тиши, наедине. А когда вернулись, у вас были застрявшие в волосах прутики ежевики.

– Кладбище оказалось сильно заросшим, – как можно спокойнее ответила я.

– Не спорю, не спорю. Густая на том кладбище была зелень.

Я фыркнула – достаточно сердито, чтобы заставить череп замолчать и дать мне возможность спокойно заварить чай. Швырнув ложку в раковину, я села на дальней, затененной стороне стола, чтобы оказаться за пределами пятна зеленоватого потустороннего света, падавшего из банки с черепом, и уставилась на призрак-банку, продумывая свой следующий ход. В чем и насколько отступить, а где держаться до последнего... Уверяю вас, вести переговоры с черепом – это всегда дело тонкое и способное вывести из себя кого угодно.

Мой главный Дар – парапсихологический Слух – всегда считался наименьшим в ряду способностей, которыми обладают агенты. Как правило, Слух позволяет агенту улавливать лишь отдельные зловещие звуковые эффекты: глухой удар и шорох, с которым перетаскивают по дому мертвое тело, например, или резкий звук обломанных ногтей, царапающих каменную стену подвала. Иногда агент-слухач может расслышать отдельные слова, которые произносит злой дух, но это всегда всего лишь бесконечно повторяющиеся фрагменты фраз, эхо далеких воспоминаний, лишенное смысла и разума. Точнее, почти всегда. Марисса Фиттис, самый знаменитый во всей истории агент-слухач, утверждала в своих «Воспоминаниях», что на самом деле существуют Гости, способные к общению с живыми. Она отнесла их к очень редкому Третьему Типу призраков. Оказалось,

что призраки Третьего Типа не просто редки – они уникальны. Во всяком случае, после смерти Мариссы Фиттис (подлинной или фальшивой – это другой вопрос, хотя и очень интересный) о встрече с призраком Третьего Типа не упоминал никто и никогда.

Единственным исключением из этого правила стала я. У меня был сидящий в банке из серебряного стекла череп, с которым я могла вести долгие разговоры.

Хотя прижизненная история этого черепа оставалась погруженной в тайну и он наотрез отказывался назвать мне свое имя, несколько фактов из биографии этого призрака нам все-таки стали известны. В конце девятнадцатого века, будучи еще совсем молодым человеком, он помогал доктору-окультисту Эдмонду Бикерстафу создать «костяное зеркало», первое окно на Другую Сторону. Сам Бикерстаф вскоре после создания «костяного зеркала» был убит, но юноше удалось бежать. Чем он занимался впоследствии – неизвестно, но конец его был ужасен.

Спустя примерно полсотни лет череп юноши обнаружили во время чистки канализационного коллектора в Ламбете. Специалисты агентства «Фиттис» распознали в черепе мощный Источник и поместили его в банку из серебряного стекла, которая с тех пор стала для призрака домом. Известно также, что с ним разговаривала сама Марисса Фиттис, правда, их беседа была единственной и недолгой. После этого ничего интересного с черепом не происходило – вплоть до моего появления.

Итак, я смотрела на стоящую напротив меня призрак-банку. Сквозь стекло за мной наблюдало зеленоватое лицо призрака.

– Мы собирались поговорить с тобой о Мариссе, – сказала я.

– Мы собирались поговорить о моем освобождении, – поправил меня череп.

Какое-то время я наблюдала за тем, как над моей кружкой поднимается пар, похожий на крутящиеся, свивающиеся друг с другом облачка эктоплазмы.

– Ой, да не хочешь ты этого, – сказала я. – Зачем тебе эта свобода, если ты все равно останешься привязанным к своему гнилому черепу – что в банке, что без нее... Ну, предположим, я тебя выпущу. И что ты будешь делать?

– Я буду порхать. Разомну свою плазму. Может быть, задушу Каббинса. Или не задушу. Время от времени буду ловить в призрачный захват случайных прохожих. Просто для собственного удовольствия – ничего личного, как говорится. Хобби. Да что угодно будет приятнее, чем торчать в этой банке!

– Хорошо, – криво усмехнулась я. – Предположим, я тебе поверила, хотя на самом деле не могу поверить, что тебе этого хочется. Предположим даже, что я разбила твою банку. Предположим. Ну и что ты будешь делать? От скуки во второй раз помрешь! С кем ты будешь без меня разговаривать, а?

– С тобой и буду. Стану прилетать к тебе поболтать. Может быть, иногда и помогу тебе – ведь ты такая тупая...

– Ага. А за разговором между делом будешь душить моих друзей. Хобби у тебя такое, да?

– Ну почему, не только друзей – твоих врагов тоже с удовольствием задушу. Мне, в общем-то, без разницы. Ну что, договорились?

– Разумеется, нет, – ответила я. – Но вот что я тебе скажу. Ты хочешь заключить со мной сделку? Я не прочь и готова предложить ее на справедливых и выгодных для тебя условиях. А условия такие: ты даешь мне как можно больше информации о Мариссе Фиттис. Не ерунды какой-нибудь, а действительно важной информации, которая поможет нам до конца распутать загадку этой женщины и, возможно, найти ключ к решению Проблемы. Взамен я обещаю найти способ освободить тебя. Разумеется, это будет такой способ, при котором исключается безвременная смерть Джорджа или кого-то еще. Я постараюсь придумать, что можно сделать.

Я глотнула горячего чая. Призрачное лицо недоверчиво наблюдало за мной из банки.

– Свобода без возможности убивать? Но это все равно что бутерброд без колбасы. Что же касается Мариссы, то мы с тобой о ней уже говорили, и я вряд ли смогу добавить что-то новенькое.

– Ну, знаешь! – крикнула я, сердито стукнув своей кружкой по столу. На нашу скатерть для размышлений плюхнулось несколько коричневых капель. – В том-то и штука, что ты никогда ничего мне не рассказываешь! Ничего конкретного, я имею в виду. Ни о Мариссе, ни о том, кем был ты сам, ни о Другой Стороне... Никаких фактов – одни оскорбления, и в этом весь ты.

– Когда становишься призраком, – мягко заметил череп, – то начинаешь понимать, насколько люди преувеличивают значение фактов. Но факты моментально теряют свою ценность, а ты теряешь к ним интерес, как только расстаешься со своим бранным земным телом. Для нас, духов, имеют значение только эмоции и желания. Впрочем, это ты и сама, наверное, успела понять. «Ах, я потерял все свое золото!», «Я жажду мести!», «Приведите ко мне Мариссу Фиттис!». Ну, и тому подобная шелуха... А знаешь, о чем я мечтаю? – неожиданно усмехнулся он.

– О чем, о чем. О гадости какой-нибудь, наверное.

– Жить я мечтаю, Люси. Жить. Именно поэтому я разговариваю с тобой. Именно поэтому я повернулся спиной ко всему, что ожидает нас на Другой Стороне.

– И что же нас там ждет? – как можно небрежнее спросила я, хотя мои пальцы в этот момент непроизвольно сжали кружку еще крепче. Ответ на этот вопрос я искала давно, для меня была драгоценной любая информация, любая деталь о Другой Стороне.

А дальше меня ждало разочарование. Обычная вещь, когда имеешь дело с черепом.

– Откуда мне знать?

– Здравствуйте! Ты же мертвый. Я думала, это позволяет что-то узнать о Другой Стороне.

– Какой-то нервный у нас сегодня разговор получается. С подначками. Слушай, ты же сама была на Другой Стороне. Скажи, а что ты там увидела? Что ты можешь рассказать о потустороннем мире?

Что я могу рассказать о Другой Стороне? Там очень темно и чертовски холодно. Это ужасное место, похожее на застывший отголосок нашего мира живых. Я много думала о нем, лежа бессонными ночами в своей постели, а когда засыпала, то видела такие жуткие сны, что просыпалась и уже не могла сомкнуть глаз до самого утра.

– Может быть, ты слышала ангельские трубы, когда была там? – ехидно поинтересовался череп.

Ничего я там не слышала. На Другой Стороне стоит мертвая (хорошее сравнение!) тишина. Там все звуки замерзли, наверное.

– Мне там было не до наблюдений, – высокомерно заявила я. – Я была слишком занята тем, чтобы выжить.

– Вот-вот, и я тоже, – сказал призрак. – Я занимаюсь тем же самым на протяжении последних ста десяти лет – пытаюсь выжить. Ведь если бы здесь не было моего чудесного Источника... – С этими словами призрак нежно прильнул к уродливому, потемневшему от времени привинченному ко дну банки коричневому черепу, и на мгновение его лицо смягчилось, стало похожим, наверное, на то, каким было при жизни. – Если бы его не было здесь, мне пришлось бы болтаться там вместе с остальными тупыми болванами. Другая Сторона! Нет уж, спасибо! Это не для меня. Я стараюсь оставаться повернутым к свету, что очень непросто в моем положении, должен заметить. Особенно когда живой начинает приставать к тебе с идиотскими вопросами на эту тему.

Ясненько. Я проглотила очередное оскорбление и задала следующий вопрос, совершенно, как вы уже, наверное, догадались, не надеясь получить на него ответ:

– Когда ты много лет назад был в Доме Фиттис, какие вопросы задавала тебе Марисса?

К моему удивлению, череп не стал в очередной раз язвить и, помолчав, ответил:

– Да, давненько это было... – В глазах у него загорелись тусклые огоньки. – О чем она меня спрашивала? Да примерно о том же, о чем и ты. О Другой Стороне. О поведении духов – о том, что мы делаем и почему... А еще она сильно

интересовалась природой эктоплазмы.

– Эктоплазмы? Зачем ей это понадобилось?

– Ну, эктоплазма вообще-то вещество удивительное... – Очевидно, для того чтобы продемонстрировать это, призрак вывернул свое лицо наизнанку – так, чтобы его надбровные дуги и нос стали вогнутыми и направленными к задней стенке банки. – Эктоплазма слышит, общается, может принимать любые формы: страшные, забавные, неприличные... Это я хорошо освоил за последние пятьдесят лет, времени у меня было предостаточно. Хочешь, покажу тебе самые свои любимые? Вот эта, например, называется у меня «Счастливый фермер». Сейчас...

– Нет-нет, не нужно, – поспешила отказаться я. – Но все равно не понимаю, чем все это могло заинтересовать Мариссу? «Счастливый фермер»... Нет, чушь!

– Если честно, все это ее и не интересовало. «Счастливый фермер» действительно не ее тема. Но ты постарайся понять другое, главное. Плазма, видишь ли, – это та часть тебя, которая сохраняется, выживает, переходит с одной Стороны на другую. Можешь называть ее своей квинтэссенцией, духом, своей жизненной силой... Да как хочешь, так и называй. Плазма не истлевает. Не умирает. Не меняет своей сущности в принципе. Именно поэтому я знаю, что Пенелопа Фиттис – это на самом деле Марисса. – Лицо призрака прижалось к стеклянной стенке, и шепчущий голос добавил: – Сущность у нее в точности та же самая.

– Даже несмотря на то, что Пенелопа и Марисса выглядят так по-разному? – спросила я. Именно эта непохожесть казалась нам наиболее загадочной деталью, заставлявшей сомневаться в словах черепа. Слишком уж невероятно все это выглядело. Пенелопа Фиттис – холеная, гламурная, с гладкой нежной кожей и копной густых волос цвета воронова крыла. И Марисса – сгорбленная, по крайней мере в последние годы, седая старушка с морщинистым лицом и высохшими ручками-ножками.

– Выглядят? – переспросил череп. – Да при чем тут это? Внешний вид не имеет для меня ровным счетом никакого значения. Как ты думаешь, почему я, например, вожусь с вашей компашкой? Давай без обид, ладно? Для меня это, видишь ли, просто еще один способ доказать себе, что я лучше любого из вас.

Кроме Каббинса.

- Что? Как... А почему Джордж исключение?

- Потому что его, как и меня, не волнует внешний вид субъекта.

Возле двери раздался шум. Я обернулась. В кухню вошел Джордж – помятый со сна и еще не до конца проснувшийся. Он включил свет, зевнул и спросил, с наслаждением почесываясь в складках своей пижамы:

- Что там говорит череп? Наверное, опять какие-нибудь гадости обо мне?

- Нет, ничего важного, – ответила я, опуская рычажок на крышке банки. – Чаю хочешь? Как вчера поработал? Успешно?

- В архивах, ты имеешь в виду? Отлично поработал! Нашел массу интересных вещей. Чуть позже расскажу вам всем. Но сначала завтракать, завтракать. У меня с утра голова совершенно не варит, пока я не поем.

- У меня тоже.

Особенно сегодня. Голова у меня не варила, кружилась и опухла после беседы с черепом, а на часах, между прочим, не было еще семи утра.

* * *

Локвуд спустился вниз намного позже обычного, уже после того, как приехала Холли и у нас начался рабочий день. Похоже, он пребывал в отличном расположении духа – мы улыбнулись друг другу, однако он ни слова не сказал о нашем вчерашнем походе на кладбище. А затем мы переключили свое внимание на текущие дела.

Мы договорились, что приедем во владения мистера Тафнелла сегодня в пять часов вечера и у нас останется еще около двух часов светлого времени суток, чтобы спокойно осмотреть театр «Палас» и прилегающую к нему ярмарку. До нашего отъезда Локвуд собирался получить новую рапиру и другое снаряжение,

заказанное им в магазине Маллета на Бонд-стрит. Нам должны были также подвезти новые запасы железных опилок, а мне и Холли предстояло еще заполнить кучу бумаг для ДЕПИК. Кроме того, мы с ней собирались опробовать пару новых приемов в комнате для фехтования. Короче говоря, дел было по горло, но, как всегда перед новым серьезным расследованием, первое слово было за Джорджем. Чтобы выслушать его, мы все собрались в нашем подвальном офисе.

– Прежде всего коротко расскажу новости о деле Мариссы Фиттис, – начал Джордж, вытаскивая грудку исписанных блокнотов из своего потрепанного кожаного портфеля. – Как вы знаете, я изучал происхождение Проблемы и начало деятельности Фиттис и Ротвелла. Вчера мне удалось побывать в библиотеке Хардимана и откопать там кое-что очень любопытное. Но об этом я расскажу позже, когда у меня наберется достаточно много информации.

– А разве вход в библиотеку Хардимана не закрыт? – спросила Холли.

Согласно новым правилам, принятым ДЕПИК в последнее время, действительно вход в целый ряд библиотек, где хранились книги по оккультизму, был закрыт, и в их число попала библиотека Хардимана. По официальной версии, библиотеки закрыли для того, чтобы остановить распространение опасных культов поклонения призракам. По нашему мнению, это в первую очередь было направлено против излишне любопытных исследователей, пытавшихся, наподобие нашего Джорджа, совать свой нос туда, куда их не просят.

– Честно говоря, – ответил Джордж, – я не имел права войти в библиотеку Хардимана без особого на то разрешения от ДЕПИК, но тамошний смотритель мой приятель. Договориться с ним было несложно. Но об этом позже. Вчера моей главной задачей в архивах был поиск материалов по истории театра «Палас». И, как вы сейчас увидите, мои поиски увенчались некоторым успехом...

Джордж уселся в кресле поудобнее, разложил на столе перед собой свои блокноты и для начала развернул пожелтевшую театральную рекламную листовку, очень похожую на ту, что показывал нам мистер Тафнелл. На листовке была изображена та же актриса, только в несколько иной (не менее пошлой) позе, а вдоль нижнего края листа вилась надпись «Дочь палача». К букве «о» сверху был приделан хвостик, делавший ее похожей на петлю.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Локвуд, пуская рекламную листовку по кругу. – Как я понимаю, тебе удалось кое-что разузнать о нашем гламурном призраке Безжалостной Красавицы?

– Для начала хотелось бы узнать ее настоящее имя, – вставила я.

– Да вот оно, видите? – Локвуд указывал пальцем на угол листовки. – Тут написано «При участии нашей звезды Марианны де Севр». Класс! Слово она только что приехала из Парижа.

– Или из Лутона, – заметил Джордж, почесывая мочку уха. – Марианна де Севр – это сценический псевдоним, а ее настоящее имя – Дорис Бловер. Впервые публика увидела ее во время шоу на пристани в Истборне сто лет назад. Через пять лет она уже собирала аншлаги в театре «Палас» в Стретфорде. Тафнелл нас не обманул – в свое время она была звездой первой величины. В ее номерах неизменно сочетались три элемента – эротика, чудо и угроза жуткой смерти. – Он мрачно посмотрел на нас и добавил: – То же самое можно сказать и о жизни нашей Красавицы вне сцены.

– Мистер Тафнелл упомянул, что она была жестокой и порочной женщиной, – сказала Холли. – Играла с мужчинами как кошка с мышкой, или что-то в этом роде.

– Все верно, – кивнул Джордж. – Бульварные газетки того времени пестрят историями о богатых женатых джентльменах, безумно влюблявшихся в Безжалостную Красавицу, и брошенных из-за нее женах. Они – жены, я имею в виду – даже набрасывались на нее на улице. Марианна – или Дорис, если хотите, – надолго со своими любовниками не задерживалась, меняла их как перчатки. По слухам, несколько мужчин из-за нее даже покончили с собой, а Красавица, узнав об этом, лишь рассмеялась и сказала, что в этом случае жизнь подражает ее искусству. Тут нужно пояснить, что все номера, с которыми выступала Красавица, в той или иной степени обыгрывали тот же сюжет: любовь, измена, жуткая смерть.

– Очаровательная женщина, – ехидно заметила я.

– А теперь не менее очаровательный призрак, – буркнул Джордж, копаясь в своих бумагах. – В принципе, нет ничего удивительного, что призрак

Безжалостной Красавицы появился именно в театре «Палас», – ведь на протяжении многих лет он был ее родным домом. Красавица сотни раз выступала на его сцене со своими иллюзионными номерами, поставленными в виде коротеньких драматических сценок. Каждая такая пьеска заканчивалась инсценированной смертью, представленной зрителям с максимальной достоверностью и жестокостью. Та пьеска, в которой она умерла на самом деле, называлась «Мечь Султана». Это была примитивная история о порочной царице, творившей всевозможные гадости за спиной своего мужа. Узнав наконец об этом, Султан приказывал своим стражникам поместить неверную жену в поставленный вертикально гроб и пронзить ее полусотней мечей. – Джордж поправил на носу очки и закончил: – Картину, которая открылась зрителям в тот вечер, можете представить себе сами.

– Чудовищно пошлая пьеска, – поморщилась Холли. – Неужели кто-то ходил смотреть на это?

– Не просто ходили – ломались, – ответил Джордж. – Номера Красавицы были по тем временам настоящей бомбой, сенсацией. Взять, например, другую ее пьеску, «Плененная Русалка». На сцену выкатывали огромный стеклянный аквариум, наполненный водой, в котором бултыхалась Безжалостная Красавица с фальшивым рыбьим хвостом. Она изображала невинную Русалку, пойманную ревнивой соперницей. Русалку заковывали в цепи, привешивали к ее рукам гири, а затем...

– ...отпускали на все четыре? – язвительно предположила Холли.

– А я думаю, что ее бросали обратно в аквариум, тонуть, – сказала я.

– Один-ноль в пользу Люси, – объявил Джордж. – Да, это был знаменитый фокус. Безжалостная Красавица целую вечность умирала на дне аквариума, пока не «теряла сознание». Затем опускался черный занавес, скрывая Красавицу от зрителей, и в ту же секунду она с улыбкой, вприпрыжку выбегала из кулис – целая и невредимая... Впрочем, нет, не вприпрыжку – на ней же был надет фальшивый хвост.

– Неужели это кому-то нравилось? – покачала головой Холли. – Бред какой-то. Русалку утопили! Но Русалка по определению не может утонуть, если на то пошло.

- И тем не менее выступления Красавицы проходили с огромным успехом. Мужчины с удовольствием приходили поглазеть на хорошенькую полуголую женщину, их жены бешено аплодировали палачу с веревкой, падению скованной цепями Русалки в аквариум с водой, стражникам Султана с мечами... - Джордж откинулся на спинку кресла и спросил: - О других номерах вам рассказывать? Был у Красавицы еще один знаменитый номер, «Дочь палача». Сюжет там такой...

- погоди! - вскинула я вверх руку. - Давай я отгадаю. Это история о прекрасной девушке, которая повесилась от несчастной любви!

- Еще одно очко в твою пользу, - улыбнулся Джордж. - Bravo, Люси.

- А среди ее героинь были женщины, которых не собирались убить? - хмуро спросила Холли.

- Нет, как ты сама могла это заметить. Всех ее героинь топили, пронзали мечами, отравляли, швыряли с высоты... Причем каждый раз сюжет был одним и тем же: сначала натуралистически показывается смерть героини, а затем на сцену, целая и невредимая, выскакивает Безжалостная Красавица. Аплодисменты. Цветы. Занавес. - Джордж поморгал, глядя на нас. - Мне кажется, все эти номера должны были заставлять зрителей радоваться тому, что они сами до сих пор живы.

- Жуткая тварь! - фыркнула Холли.

- И вот теперь она вернулась в виде злобного призрака с наклонностями вампира, - предостерег Локвуд. - Сегодня ночью нам придется быть очень внимательными и осторожными.

- Да, я уже успела все обдумать, - сказала я. - Считаю, что на это расследование должны отправиться только мы с Холли. Вдвоем.

- Вдвоем? - удивленно посмотрел на меня Локвуд. - А мы с Джорджем останемся дома? Баклуши бить?

- А почему нет?

– Это даже не обсуждается. Слишком опасно.

– А я согласна с Люси, – сказала Холли. – Мы знаем, что любимое занятие Безжалостной Красавицы – сводить с ума мужчин. Таким образом, мы с Люси будем менее уязвимыми, чем вы с Джорджем.

– Нет, не думаю, что это так. Нам с Джорджем уже приходилось иметь дело с внешне очень привлекательными женскими призраками... – не без гордости заметил Локвуд. – Помнишь ту купальню в Хокстоне, Джордж?

– Я? – Джордж снял очки и принялся внимательно изучать их. – Еще бы!

– Кстати, в случаях с теми двумя жертвами нет ничего загадочного, – продолжил Локвуд. – И Чарли Бадд, и Сид Моррисон – это классические психопаты, очень уязвимые для внешнего воздействия.

– Точно, точно, – закивал Джордж. – Разве вы сами этого не заметили? По словам Тафнелла, тот парень, который умер, страдал от неразделенной любви, чуть голодом себя не уморил из-за любовных переживаний. В таком состоянии он потащился бы даже за прокатившейся мимо него бочкой в платье. Что же касается Чарли Бадда, то он, по словам все того же Тафнелла, всегда был болезненным. Возможно, Чарли подсознательно склонен к самоубийству, потому и пошел за призраком. Короче, обоих парней, которые стали жертвами призрака Красавицы, нельзя считать физически или психически здоровыми.

– погоди, я что-то не врубаюсь, – сказала Холли. – Ты хочешь сказать, что призрак смог почувствовать эту их слабость?

– Конечно, – не раздумывая, ответил Джордж. – Мы все знаем, что Гости чувствуют нашу тревогу и печаль. Их притягивают к себе люди, испытывающие сильные чувства. Возможно, точно так же притягивают призраков слабость и отчаяние. Оба парня, ставшие жертвой Красавицы, были надломлены, хотя и каждый по-своему... У обоих было ослаблено желание жить. Совершенно очевидно, что каждый из них был очень уязвим для чар гламурной Красавицы, пусть даже и потусторонней.

– А мы неуязвимы, – добавил Локвуд. – Все, закрыли тему. Мы с Джорджем будем в полном порядке – правда, Джордж?

– Само собой, мы же профессионалы с холодной головой, – кивнул Джордж. – Люси, верни мне рекламную листовку, пожалуйста. Я хочу вклеить ее в свой рабочий журнал... Ага, спасибо большое.

На этом, собственно говоря, наше совещание и закончилось. Локвуд отправился в магазин Маллета, все остальные занялись работой с бумагами. Потом мы с Холли поупражнялись с рапирами, вспотели, захотели пить и оставили десятки новых дырок в соломенных чучелах, подвешенных к потолку комнаты для фехтования. В воздухе плыли вылетевшие из чучел пылинки. За окном над Портленд-Роу начинали сгущаться ранние сумерки. Где-то в Лондоне с нетерпением ожидал своей смерти закованный в цепи парень. На небе зажглись первые звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/straud_dzhonatan/pustaya-mogila

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)